

Андрей Смирнов

СПОРТИВНОЕ

ПИРАТСТВО

ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

16+

Андрей Смирнов

Спортивное пиратство для начинающих

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42617714

SelfPub; 2020

Аннотация

Все любят пиратов. Ну, может, за исключением тех, кто не читал в детстве «Остров сокровищ». Питер Фаулз эту книгу помнит наизусть. И скучной работе библиотекаря предпочёл бы карьеру знаменитого флибустьера. Есть лишь одна проблема: он совершенно не умеет ходить под парусом, не любит пить ром и уж точно ни при каких обстоятельствах не станет рубить незнакомого человека абордажной саблей. Но если ты не подходишь под стандарты пирата, значит... Нужно сделать так, чтобы пиратство подошло под твои стандарты. Из бессмысленного и беспощадного занятия превратилось бы в общественно полезную и уважаемую профессию для тех, кто практикует его на постоянной основе, и лучший вид активного отдыха для всей семьи. Остаётся самая малость: убедить в преимуществах спортивного пиратства все заинтересованные стороны. Сумеет ли Питер сохранить жизнь и свободу при встрече с флибустьерами тропического Сан-Януарио? И сумеют

ли флибустьеры сохранить рассудок и душевное здоровье при встрече с Питером?

Содержание

Глава первая. Как разглядеть знак судьбы	6
Глава вторая. Как штурмовать и защищать крепости	30
Глава третья. Как отличить кока от капитана и пирата от пирата	56
Глава четвёртая. Как вести переговоры и совершать преступления	80
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Прочитать это будет нетрудно, так как мы все знаем этот язык.

Лорд Гленарван, «Дункан»

И какой хороший почерк!

Джон Сильвер, «Испаньола»

Человек должен уметь иногда посмеяться над собой, иначе он сойдёт с ума. Об этом, к сожалению, знают очень немногие, и потому в мире так много сумасшедших.

Питер Блад, «Арабелла»

Глава первая. Как разглядеть знак судьбы

Когда я сказал, что хочу стать пиратом, родители мои огорчились до крайности. Мама даже немного всплакнула. Отец же пригласил меня в кабинет, запер дверь на ключ, вытащил из брюк ремень – был он слегка полноват, а потому, если предстояло долго сидеть, предпочитал от ремня избавиться – и прочитал трёхчасовую лекцию о том, что пиратство – не лучшая карьерная стратегия для обдумывающего жизнь тринадцатилетнего юноши. Он говорил, что в семье Фаулзов пиратов отродясь не было. Приводил в пример прадедушку Готлиба, добродетельного и благовоспитанного джентльмена, всю жизнь трудившегося библиотекарем. Дедушку Джейкоба, добродетельного и благовоспитанного джентльмена, всю жизнь трудившегося библиотекарем. Дядюшку Эдварда, добродетельного и... В общем, родственников у нас было много и все они – не исключая папу – посвятили свои полные добродетели жизни библиотечному делу. Предполагалось, что иного выхода, кроме как пойти по их стопам, у меня нет и быть не может. Осыпав напоследок грудой нравоучительных цитат из Вергилия, Овидия и Гомера, отец счёл меня достаточно вразумлённым и наставленным

на путь истинный.

Славными людьми они были, мои родители. Ныне, сквозь предзакатный туман прожитых лет, я вижу это гораздо лучше. С лёгким сердцем прощаю им тот единственный недостаток, которым теперь обладаю и сам. Изъян, что рано или поздно – поначалу медленно и незаметно, а затем с каждым годом всё быстрее и быстрее – закрадывается в душу всякого человеческого существа.

Они были взрослыми. Они уже разучились понимать.

Не слышали, как по ночам, когда в доме всё стихло и отблеск свечи пляшет по страницам книги, звенит клинок о клинок. Не видели, как вдруг расправляется и наполняется ветром парус бумажного листа. Не чувствовали сладкой дрожи в сжимающих переплёт руках, когда остриё лопаты, преодолев последние дюймы рыхлой земли, утыкается в крышку сундука...

В силах ли я был им это объяснить? В силах ли был найти те слова, что обращают ход времени вспять и заставляют вновь поверить в реальность сотканного из них мира?.. Не думаю, что и сегодня на такое способен. Тогда же о столь высоких материях не помышлял и вовсе. Да и зачем? Ведь у меня была та, что умела слушать и слышать. Та, кому мог я без опасения доверить свою мечту.

Долгими часами лежали мы рядом на крыше дровяного сарая, разглядывая проплывающие над головой эскадры облаков.

– ...а потом я приеду обратно на трёхмачтовом фрегате под чёрными парусами. Я тогда уже буду настоящим правдашным пиратом, одноногим, одноруким и одноглазым. И скажу: «Йо-хо-хо, Дженни, я вернулся!»

– Во-первых, – отвечала она, – отсюда до ближайшего моря двадцать дней пути. А в наш ручей фрегат не пролезет при всём желании. Во-вторых, можно ты будешь пусть и настоящим, но симметричным пиратом? И говорить будешь не «Йо-хо-хо», а «Дженни, я тебя...»

– Что?

– Нет, ничего. Забудь.

Время – никудышный офтальмолог. Взрослым прописывает очки от дальновзоркости воображения. С детьми обходится не лучше: наделяет способностью видеть манящие горизонты, но не даёт умения разглядеть то, что лежит на расстоянии вытянутой руки.

Понимать Дженни я тогда ещё не научился.

Шли годы. Теперь я частенько подменял отца в библиотеке. Предполагалось, что место его рано или поздно перейдёт мне по наследству, и, как подобает всякому достойному представителю рода Фаулзов, жизнь свою я проведу здесь, среди пыльных стеллажей. Мечта же... Мечта по-прежнему оставалась мечтой. Может статься, она потускнела, поистрепалась в житейском море. Но не забылась, о нет.

От больших дорог городок наш лежал на отшибе. Путни-

ки забредали в него нечасто. Любезные же соседи мои – люди добропорядочные, трудолюбивые и рассудительные – чтение полагали занятием, порицания хоть и не заслуживающим, но от честного труда отвлекающим и порядочные суждения затрудняющим. Дни мои тянулись в одиночестве, праздности и скуке. Не заглядывала ко мне более и Дженни. Разговоры о дальних странах и морских сражениях уже не пробуждали в ней былого интереса. Во всяком случае, тяжкие её вздохи, возведённые горе очи и слова: «Питер, когда же ты наконец повзрослеешь!» – иным образом истолковать я не мог. Ныне её окружала компания ладных и не по годам широкоплечих юнцов, места среди которых мне не находилось.

В тот день я по обыкновению – в тысячный, должно быть, раз – перебирал от скуки библиотечные карточки. Слышно было, как часы на ратуше пробили полдень. В это время ожидать посетителей не стоило и вовсе.

Бум!.. Дверь едва не слетела с петель от могучего пинка. Ворвавшийся в полумрак библиотеки солнечный свет омывал чёрную фигуру незнакомца. Хотя лицо его скрывала надвинутая на глаза треуголка, я готов был поклясться, что человека этого в наших краях вижу впервые. Раскачивающейся походкой, словно под ногами была палуба, пронёс он грузное тело к моему столу. Бухнул на него окованный медью сундучок. С плохо скрываемой неприязнью поводит по сторонам сизым носом.

– Рому, мальчик! – венчающий руку железный крюк

ткнулся мне в лицо. – А потом свободный стол и все книжные новинки, что найдутся в этой дьяволом забытой дыре!

– Столы все свободны, выбирайте любой, – не скрою, что был слегка испуган. Но незримые сонмы предков-библио-текарей стояли за моей спиной, ободряя и придавая мужества. – А вот употребление спиртных напитков категорически запрещено правилами внутреннего распорядка. Книги же – сию минуту. На этой неделе как раз большое поступление было.

– Тысяча морских чертей и одна золотая рыбка!.. Как можно обделывать дела насухо? И потом они ещё удивляются: почему это нынешнее поколение утрачивает интерес к литературе?.. Ладно, тащи что есть.

Он обосновался в глубине читального зала, обложился принесёнными мною томами, вытащил из сундучка стопку листов бумаги и чернильницу, обмакнул в неё кончик крюка и погрузился в писания.

– Мне очень жаль, – сказал я несколько часов спустя, – но мы закрываемся.

Странный посетитель рыкнул что-то неразборчивое, сложил письменные принадлежности в сундучок и, не удостоив меня даже взглядом, направился к выходу. Любопытство моё одержало убедительную победу в схватке с осторожностью.

– Извините, не хотелось бы показаться навязчивым... Я просто подумал, что, может быть, могу как-то помочь... Если вы не сочли бы за труд рассказать мне, чем именно зани-

маетесь...

Он на секунду замер, быстро развернулся, молниеносным движением вскинул руку, обхватил меня за шею крюком, притянул к себе, обдав густым запахом смолы, пеньки и табака.

– Слушай сюда, юнга, и слушай внимательно! Чем занимаюсь – не твоя забота. Мне от тебя лишь одно нужно. Книги! И хорошие книги, заруби себе на бушприте. А коли попытаешься сунуть длинный бакланий клюв в мои дела, – протяну под килем так, что ни один лоцман с рыбами-собачками не найдёт. Усёк?

Лицо моё, надо полагать, свидетельствовало о понимании услышанного столь красноречиво, что он удовлетворённо кивнул, отпустил меня, цыкнул сквозь зубы табачной жвачкой и удалился прочь.

С тех пор он приходил каждый день. Молча брал книги – а я уж, поверьте, изо всех сил старался, чтобы он получал самые лучшие, свежие и интересные, – забивался в угол и трудился без устали. Стоит ли пояснять, что заинтриговал меня этот страшный пришелец сверх всякой меры? Плотины благоразумия уже не могли сдержать приливную волну мыслей, подозрений и догадок, грозившую выплеснуться на первую – и, по правде говоря, единственную – подходящую жертву.

– ...Пират?.. Здесь, у нас?.. Регулярно посещает библиотеку? – Дженни скорчила обеспокоенную гримасу и положи-

ла руку мне на лоб. – Странно. Жара нет, а бред есть.

– Ну я ж не на слово прошу мне поверить. Приходи да сама на него полюбуйся. Поглядим, как ты тогда запоёшь, ага.

– Пфф, вот ещё! Делать мне больше... Хотя-я-я... хм... Ладно. Хорошо. Но тогда у меня условие. Я не просто на него посмотрю. Я тебе докажу, что никакой он не пират. А ты после этого поклянёшься окончательно выкинуть из головы всю ту идиотскую чепуху, которой она забита. И больше никогда – никогда, слышишь! – не заикаться о пиратах и пиратстве в моём присутствии. Идёт?

Да уж, ставка была высока. Забыть о флибустьерской романтике?.. Навсегда?.. Отказаться от мечты?.. Но в правоте своей я не сомневался ни на секунду. О, как я был в ней уверен!.. А потому без промедления твёрдо сказал:

– Ну, может, он не совсем пират... Может, он бывший... Или... или... просто знаком с какими-нибудь пиратами... Или что-нибудь о них знает. Слушай, а что если...

– Питер Фаулз. Немедленно. Прекрати. Юлить! – в голосе Дженни лязгал металл. – И хотя бы для разнообразия начни вести себя со мною так, как подобает взрослому восемнадцатилетнему человеку.

Свинцовая тяжесть прожитых годов навалилась мне на плечи, пригнула к земле, вынуждая признать поражение и смириться с неизбежностью.

Миновала неделя. Пират – или тот, кого считал я пиратом, – появлялся в библиотеке ежедневно. От Дженни же никаких вестей не было. Молчание её попеременно то огорчало, то радовало меня. Как нестерпимо хотелось мне поскорее открыть ей глаза, доказать, что я не ошибаюсь!.. Но что если... Нет-нет, лучше и впрямь никуда не торопиться...

Так размышлял я, возвращаясь домой после очередного дня в библиотеке, когда неведомая сила ухватила меня за руку, рывком втянула в закоулок между домами и зажала рот. Ужаснейшие сновидения разом пригрезились мне наяву: вот меня похищают безжалостные компрачи́косы, вот превращают в циркового уродца, и вот уже я, заливаясь слезами, смеюсь на потеху публике в ярмарочном балагане...

– Тсс!.. – сказала меж тем неведомая сила. – Не ори, это я. А компрачи́косов в наших краях нет и никогда не было.

– Дженни, ты с ума сошла?!.. И откуда ты знаешь, про что именно я собираюсь орать?

– Да уж несложно догадаться. Ты всегда так делаешь, когда я так делаю. Ну что, готов?

– Это к чему это я ещё должен быть готов?

– Расстаться с иллюзиями.

Она достала лист бумаги, исписанный убористым почерком, поводила пальцем по строчкам.

– Итак. Вот график передвижений интересующего нас субъекта. Библиотеку он покидает вместе с тобой, в промежутке от семнадцати пятидесяти трёх до восемнадцати ноль

шести. Затем идёт в пансион «У чёрного барашка», дорога до которого занимает одиннадцать-тринадцать минут. Далее, в восемнадцать сорок шесть – сорок девять, отправляется в трактир «Капитан Бенбоу»¹, приходит туда ровно через семь минут и не возвращается в пансион ранее полуночи, выпивая за это время шесть-восемь пинт рома. Следовательно, в нашем распоряжении есть около пяти часов.

– Так, погоди... Ты же не хочешь сказать, что всё это время ходила за ним по пятам?

– Ну... – она вдруг смутилась. – У меня большая агентура. Мальчишки. Охотно доставляют мне самые необходимые сведения. По первой же просьбе. Почему-то...

– Ага... – теперь вдруг смутился и я. – Гм... Ладно, а на что нам эти пять часов нужны?

– Не пытайся выглядеть большим идиотом, чем ты есть, Питер. Ну это же элементарно: мы отправляемся проводить расследование. Вперёд, за мной!..

Уже вскоре стояли мы на тихой безлюдной улице перед пансионом «У чёрного барашка». Вернее сказать, прятались за ближайшим забором, прильнув глазами к щелям меж досками.

– Вот он, вон он... Точно по расписанию. Да не высовывайся ты, заметит!.. Всё, уходит...

¹ Леонард Бенбоу – английский футболист, капитан команды «Ноттингем Форест»

– А теперь что? Мы же не можем туда зайти и начать расспросы. Он ведь об этом сразу узнает. И если он и впрямь пират... Хорошо, пусть ты в это и не веришь, но просто предположим... Тогда нам несдобровать.

– Угу, это я предусмотрела. Нужен отвлекающий манёвр. Жди здесь.

Дженни шагнула в сторону и сразу же исчезла из вида. Наивную идею состязаться с ней в игре в прятки я отбросил ещё в раннем детстве. Через несколько минут она вернулась, на ходу загибая пальцы.

– Пять... Четыре... Закрой глаза и открой рот... Два... Один...

– С какой ещё стати? Что за глупые шут...

Оконные стёкла задрезбужали. Дома содрогнулись. Пу-стая бочка для сбора дождевой воды, стоявшая на противоположной стороне улицы, оторвалась от земли и, словно бы опираясь на растущий из её дна огненный столп, начала – неспешно и величественно, но с каждым мгновением набирая скорость – подниматься ввысь. Миновала первый этаж, второй, третий... Зависла над крышами... Ярчайшая вспышка ослепила меня, вынудила зажмуриться. Лишь распахнувшийся от удивления рот предохранил барабанные перепонки от губительного давления взрывной волны. Шрапнель деревянных осколков защёлкала по укрывающему нас забору.

Не успело ещё всё толком стихнуть, как из дверей «Чёр-

ного барашка» метеором вылетела коренастая туша его со-
держателя, мистера Саппера. Борода его развивалась на вет-
ру львиной гривой, рука сжимала тяжёлую дубину.

– Мадыяры!.. Чёртовы мадыяры снова атакуют! Винова-
тый, невиноватый – крой всех подряд!

Раскручивая дубину над головой, мистер Саппер резво
припустил вдоль по улице и скрылся за углом.

– Это что такое сейчас было?.. – ошарашенно спросил я.

– Нитроглицерин, – отвечала Дженни, стряхивая с рукава
поднятую взрывом пыль.

– Ничего не понимаю. То есть всё понимаю, но не пони-
маю... Где ты его взяла и вообще?

– Ты что, «Таинственный остров» не читал?

– Да раз двадцать! Включая сноски и справочные матери-
алы. И потому точно знаю, что способ производства нитро-
глицерина там описан неправильный.

– А я тебе ещё тогда в школе говорила: брось ты своего
Жюль Верна под партой читать, та химия, что в учебнике, –
гораздо интереснее... Ладно, неважно, пошли быстрее, пока
любопытные не набежали.

Подле останков бочки уже и впрямь собрались первые
зеваки, оживлённо судачившие об удивительном происше-
ствии. Стараясь не привлекать внимания, мы обогнули их
стороной и прокрались внутрь пансиона. Коридоры его бы-
ли пусты, дверь в кабинет мистера Саппера – распахнута на-
стежь.

– Слушай-ка, а при чём тут мадьяры и куда он помчался? – спросил я.

Дженни равнодушно пожала плечами.

– Понятия не имею. Но он всегда так делает, когда я так делаю.

Она быстро листала книгу регистрации постояльцев.

– Ага. Вот наш тип. Прибыл в середине прошлого месяца. Комната номер тринадцать, второй этаж. Зарегистрирован как Хуан де Ла-Плата, торговец чёрным деревом.

– Торгов... Чем?!.. Дженни, ты хоть понимаешь, что это значит?

Это был тот редчайший момент, когда я – не без внутреннего торжества – заметил, как на лице её промелькнуло выражение неуверенности.

– Ну... Да, выглядит подозрительно. Но ещё ничего не доказ... Тихо!.. Слышишь? Уходим отсюда, быстро.

Едва успели мы выскользнуть обратно на улицу, как мимо, управляя всклокоченную бороду и чертыхаясь под нос, протопал мистер Саппер.

– У, мадьярские отродья!.. Плохо же вы меня знаете... Только попадитесь мне в следующий раз... Вы меня ещё узнаете!

Не обратив, по счастью, на нас внимания, скрылся он внутри пансиона и с грохотом захлопнул за собой дверь. Дженни раздосадовано стукнула кулаком о ладонь.

– Слишком рано вернулся! Теперь мимо него не пройти.

– Так и ничего страшного, – сказал я. – Взглянем на ситуацию с другой стороны: ведь теперь мы уже точно знаем, что...

– С другой стороны?... Хм, а ты, оказывается, не так уж и безнадёжен, Питер. Иногда способен выдавать очень даже неплохие идеи.

– Я как бы не совсем это имел в виду, – уныло протянул я, когда мы очутились на заднем дворе пансиона.

Дженни не слушала.

– Так, вон то окно, должно быть, где балкон... Нужно только... Ну-ка отвернись на минутку.

– Спасибо за заботу, но нет, – сказал я через минуту, решительно отвергая протянутый мне чулок. – Я не девчонка.

– Вот именно. Поэтому не устраивай драматических сцен и надевай. Мы тут не в куклы играем, мы незаконное проникновение в жилое помещение собираемся совершить. Может, даже со взломом.

– Мы... что?!

– Что слышал. Сверим часы, – сказала она, натягивая чулок на голову.

– Да, но у меня нет часов...

– И что с того? У меня тоже нету. Но это ж в твоих любимых книгах так говорят, когда что-нибудь планируют. Думала, это тебя приободрит.

Я облегчённо вздохнул. Речь наконец-то шла о предмете,

в котором я разбирался несравнимо лучше неё.

– А вот и нет! Это обязательный элемент в любом серьёзном предприятии. Хоть какой приключенческий роман возьми. Без часов никак не обойтись. Придётся всё отменить.

Дженни задумалась, покрутила головой по сторонам. Взгляд её поднялся вверх, туда, где над крышами соседних домов...

– Ничего, сверим по этим, – она ткнула пальцем в часы на башне ратуши. – Всё, довольно болтать. Не отставай!

Ухватилась за водосточную трубу, примерилась и во мгновение ока взлетела к узкому карнизу второго этажа. Встала на него, прижалась спиной к стене, мелкими шажками двинулась к балкону. Перебралась через перила, распахнула неплотно прикрытую оконную створку, исчезла внутри комнаты. Тут же вновь показалась на балконе. Силуэт её отчётливо выделялся на фоне едва взошедшей луны.

– Ну ты где застрял?

Я снова вздохнул. На сей раз обречённо. Натянул на голову чулок. Расплющенный им нос мой наполнился ароматом сирени и крыжовника. Запах этот пробуждал в душе странные, невыразимые словами ощущения. Переполая грудь, они поднимались выше, комком вставали в горле, заставляли трепетать нёбо и уже готовы были сорваться с языка... Я чихнул. Решительно вцепился в трубу, изо всех сил заработал руками и ногами. Водосток подо мною гудел и вибрировал. Странность, однако, была в том, что ни на дюйм вверх

я не продвигался.

– Да тише ты там, всю округу сюда соберёшь! – в громком шёпоте Дженни смешивались раздражение и жалость. – Ох, горе ты моё... погоди, сейчас что-нибудь придумаю.

Слышно было, как она копается в сложенном на балконе хламе. Прошелестел и упал на землю сброшенный конец верёвки.

– Стой, не тяни пока... Не тяни ты, говорю!.. Вокруг груди обвяжи. Крепче узел, крепче... Готов? Хорошо, взяли!.. Ну?.. Питер, ты что там делаешь? Делай же уже что-нибудь! Хватит кулём висеть, мне тебя сюда в одиночку не затащить. Вон за тот выступ хватайся, ногу ставь... Теперь отталкивайся... Давай, давай, за ограждение держись!..

Она перегнулась вниз, ухватила меня за шкурку, втянула на балкон. Шумно выдохнула, с болезненным шипением потрясла руками.

– Ай!.. Ну и тяжёл же ты. Все ладони о верёвку изрезала. Боль её передавалась мне почти физически, смешиваясь со стыдом. О, быть бы на её руке перчаткой... Строительной перчаткой на руке!..

– Ты чего встал? Хватит уже там луну затмевать, соседи увидят, – сказала Дженни, нетерпеливо выглядывая из-за балконной двери.

Плескавшийся за порогом коктейль из запахов смолы, пеньки, рома и табака не оставлял сомнений: мы и впрямь попали в логово торговца чёрным деревом. Дженни пошари-

ла на столе, чиркнула спичкой. Свеча озарила мрачную каморку: разворошённая постель, груда пустых бутылей в одном углу, уже знакомый сундучок – в другом. Я подёргал его крышку.

– Заперто, проклятье!.. И что теперь делать?

– Питер... Знаешь, я давно хотела тебе сказать...

Она умолкла, стащила с лица чулок, потянулась к затылку. Тряхнула головой. Тяжёлая волна распущенных волос обрушилась ей на плечи. У меня отчего-то на миг перехватило дыхание.

– Так вот, если ты и правда намереваешься стать пиратом, может, стоило бы уже давно начать какие-нибудь тренировки? Ну-ка, подвинься.

Изогнув шпильку крючком, приникла она к замочной скважине. Механизм щёлкнул, крышка сундучка откинута. Дженни заглянула внутрь.

– Ага. Что, говоришь, ты там себе навоображал?.. Пират, значит, да?.. И работорговец?.. Ну-ну. Держи, полюбуйся на своего невольника.

Она протягивала мне маленькую, но увесистую статуэтку. К нижней стороне подставки её был приклеен ярлычок с надписью: «Торговый дом Х. де Ла-Платы. Лучшие сувенирные негрятя из эбена. Покупайте наших негрят!»

– Эбен, вид древесины, – пояснила Дженни, верно истолковав замешательство на моём лице. – Очень твёрдый, тяжёлый и ценный. И как можешь заметить, чёрный.

Надежды мои таяли на глазах. Гонимый отчаянием, склонился я над сундучком, выгреб оттуда ещё несколько десятков негрят, добрался до толстой пачки исписанных от руки бумажных листов. Почерк совпадал с тем, что не раз видел я в библиотеке. Надпись на верхней странице гласила: «„Пятьдесят ударов молота ведьм“». Сочинено Генриеттой Крамер по мотивам оперы Вагнера „Сумерки богов“». Я вопросительно посмотрел на Дженни.

– Это роман такой. Про любовь. Ничего особенного, – быстро сказала она. Даже как-то слишком быстро.

– Ты читала?

– Пфф, вот ещё... Нет, конечно же! – сказала она решительно. Даже как-то слишком решительно. – Однако уверяю тебя: человек, который увлечён им настолько, что не просто читает, но и собственноручно переписывает, – может быть кем угодно. Но не пиратом. В общем, полагаю, что дело раскрыто. Складывай всё обратно и помни о своём обещании. С этой минуты – больше никаких дурацких фантазий!

Дженни вновь натянула на голову чулок и вышла на балкон. Мне ничего не осталось, как последовать за ней... Кем угодно, но не пиратом... Не пиратом... Тоскливая безнадежность переполняла меня. Тяготила настолько, что на верёвке я не удержался и плашмя шлёпнулся на землю. Полежал так немного, размышляя о превратностях судьбы и мечтах, уходящих на дно океана жизни. Поднял голову. Точно напротив моего лица помещались сапоги. Вставленные в них ноги пе-

реходили в дородное тело и завершались бородатым лицом. Бороду прорезала торжествующая ухмылка.

– Говорил же: плохо вы, мадьяры, меня знаете. Уж коли обещал, что спуску не дам, так уж теперь на себя пеняйте!

Тяжёлая дубина зависла над моей головой. Зрелище это оставило меня равнодушным. С безразличной покорностью влекомого на закланье агнца ждал я рокового удара. Лучше уж так, сразу, думал я, чем...

Из темноты беззвучно вынырнула Дженни, ухватила мистера Саппера за руку, хитро вывернула, заставляя его согнуться и отпустить дубину, ткнула кулаком под рёбра. Тот сдавленно хрюкнул, закатил глаза, повалился навзничь и замер в неподвижности.

– Ты где так научилась? – спросил я без особого интереса.

– Уроки гимнастики. Те, что ты прогуливал. Мистер Бартон-Райт показывал нам приёмы борьбы, которую сам изобрёл.

– Угу, – сказал я, поднимаясь на ноги и осматривая тело незадачливого пансионладельца. – А он... Ты его... не того?

– Глупости. Система мистера Бартон-Райта очень эффективная. Но вовсе не такая уж смертоносная, как некоторые напридумывали. Полчаса полежит и как новенький будет... Питер?.. Ну так что, обещание в силе? С пиратами покончено?

– Угу...

Не глядя на неё, сосредоточенно ковырял я землю носком ботинка.

– Хорошо. Уверена, так для нас... для тебя будет лучше... Ну тогда я... Я пошла?..

– Угу...

Выяснилось, что ковыряние земли требует немалой концентрации. Такой, что от напряжения у меня даже зачесались глаза.

– Ладно. Всё. Я пошла, – сказала она, не двигаясь с места.

Пару минут стояли мы в тишине. Затем Дженни фыркнула, неопределённо махнула рукой и быстро зашагала прочь. Мистер Саппер заворочался и принялся издавать неразборчивые звуки, вот-вот грозившие сложиться в очередную антимадьярскую филиппику. Ждать, пока он ею разразится, я счёл неблагоразумным и поспешил оставить его в одиночестве.

Утром следующего дня сидел я в библиотеке и предавался тягостным раздумьям. Славное пиратское прошлое моё осталось позади, так и не успев побывать настоящим. Будущее же окутывал туман неопределённости. И хотя было бы преувеличением сказать, что до вчерашнего вечера путь мой к берегам грядущего озаряло яркое солнце, однако в конце его во все времена горел неизменный маяк. Привычный настолько, что я даже не задумывался о том, может ли он однажды угаснуть.

Сколь бы наивен я ни был, излишняя самоуверенность в число пороков моих не входила. Дженни была лучше меня. Лучше во всём. Это я знал давно и знал твёрдо. Но знал и другое. Знал, что когда-нибудь всё изменится. Изменится, лишь только стану я знаменитым пиратом. Стать которым мне теперь было не суждено... Следовало признать очевидное: Дженни я тоже потерял навсегда.

– ...Проклятые ищейки! Загарпунить меня вздумали!

Я вздрогнул и вышел из забытья. Хуан де Ла-Плата угрожающе нависал надо мной. Глаза торговца чёрным деревом зловеще сверкали.

– Нет-нет... мы... я... просто... – судорожно залепетал я.

– Они и сюда заявились? – оборвал он меня нетерпеливо. – Ну-ка отвечай: был здесь кто-нибудь чужой? Незнакомый?

– В... в смысле?.. Где был? Кто?

– Да уж всяко не мадьяры, пусть этот старый дурак не выдумывает. Нет уж... Знаю я, кто это был. Опять меня выследили, кашалот их покусай! – кулак его звучно впечатался в стол. – Сюда, спрашиваю, в библиотеку, они приходили?

Я наконец-то позволил себе осторожно выдохнуть. Отрицательно помотал головой.

– Никого не было.

Он слегка успокоился. В раздумьях теребя бороду, зашагал из стороны в сторону.

– Всякий раз!.. Всякий раз это повторяется: стоит на ми-

нугу отвлечься и расслабиться, как они уже норовят воткнуть мне кортик в спину... Хоть вторую пару глаз на затылке заводи... Хм...

Де Ла-Плата замер на месте и впился в меня взглядом.

– Слушай-ка, юнга, ты ведь уже, пооди, догадался, чем я промышляю? Только не ври, по лицу вижу!

Я машинально кивнул. И лишь затем сообразил, что не понимаю смысла вопроса.

– Так я и думал, – продолжал он. – Сразу видать: парень ты смышлёный, дело знаешь. А чего не знаешь, тому научу. Взамен же – будешь нести вахту и доглядывать, чтобы эти чёртовы акулы ко мне втихаря не подобрались. В общем, так. Завтра на рассвете я из этой гавани рву якоря. Спрашиваю один раз, повторять не буду: хочешь быть пиратом?..

Я не знаю тебя, мой читатель. Может статься, ты опытный искатель приключений. Может статься, прямо сейчас вновь собираешься в дорогу. На карты твои уже нанесены все рифы и мели, какие только могут встретиться на пути, а сундуки полны лоциями и атласами, что проштудировал ты с неусыпным вниманием, дабы не застигли тебя врасплох штормы и ураганы судьбы. И тогда, умудрённый жизнью путешественник, ты, конечно же, осудишь меня. Безропотно принимаю твой справедливый укор.

Но, может быть, читатель, ты совсем не таков. Может быть, готов по первому зову без раздумий лететь на крыльях надежды к далёким и манящим тропическим островам. Как

много лет назад готов был и я. И тогда я говорю тебе: остановись! Нет-нет, не отказывайся от мечты. Но задумайся. Спроси себя: всё ли я предусмотрел? Все ли скрытые подводные камни изучил, всё ли принял во внимание? И пусть беды и злоключения мои, что опишу я в этом рассказе, послужат тебе предостережением. Добрым напутствием, которое я сегодняшний так хотел бы дать самому себе тогда, в тот самый миг. Когда в ответ на вопрос Хуана де Ла-Платы сердце моё сделало перебой.

Кем бы ты ни был, читатель, представь себе мальчишку, которого подхватил внезапным порывом столь давно и столь тщетно вождеаемый ветер странствий. Пред которым распахнулась вдруг пещера сокровищ из волшебных снов. И если увидишь ты меня таким, то, надеюсь, сумеешь... Нет, не оправдать. Оправдания я не заслуживаю. Но понять. Понять, отчего сказал я с такой надеждой и трепетом:

– Вы... вы можете мне помочь?

– Ты ещё сомневаешься? В моей команде ты станешь самым ужасным, самым знаменитым и самым богатым пиратом, какого только жарили в аду черти. Не будь я Хуан Проворный Крюк!

Да простят меня небеса и бедные мои родители!.. В силах ли я был отказаться?..

Родителям я оставил письмо. Попытался объяснить, успокоить. Знаю, что вышло плохо. Но сообщить об отъезде, гля-

дя им в глаза, духу бы у меня не хватило. Довольно было и другого разговора.

– Дженни?..

Нет ответа.

– Джен?..

Нет ответа.

Я робко потянулся к ней. Она с ненавистью отбросила мою руку.

– Не смей ко мне прикасаться, Питер! В который раз тебе повторяю, никакой он не пират. Что тебе опять в голову взбрело?.. Мы же договорились. Ты обещал. Обещал!

– Он сам сказал. Сам предложил.

– Он, он... Кто он вообще такой, этот он?.. Ты с ним сколько знаком? И по первому же свистку готов бежать следом, как собачка. А на моё мнение тебе плевать. На меня можно не обращать внимания, да?

– Дженни, это несправедливо. Ты прекрасно знаешь, это всегда было моей мечтой. Другого шанса не будет. И потом, давай уж начистоту. Мы в последнее время... Не знаю, мне кажется, ты меня избегаешь. Всё время с этими своими... Слушай, ну правда, когда мы последний раз хотя бы разговаривали? Как бывало раньше, помнишь?.. В общем, думаю, тебе так тоже будет лучше.

– Помню ли я?.. Лучше мне будет? – лицо её полыхало таким гневом, что я невольно попятился. – Ну и убирайся! Проваливай!.. Знать тебя больше не желаю!.. Питер Фаулз,

ты... Ты – чёртов идиот!

Потирая горящий след пощёчины, с недоумением и растерянностью смотрел я, как исчезает она за поворотом улицы.

Понимать её тогда я ещё и впрямь не умел.

Глава вторая. Как штурмовать и защищать крепости

На рассвете следующего дня, взвалив на попутную крестьянскую телегу сундучок Проворного Крюка и мою котомку, мы бежали из городка. Дорога уводила в холмы. Обернувшись, бросил я прощальный взгляд с высоты на знакомые улицы, привычные силуэты домов, мерцающие в окнах редкие утренние огни. Усилием воли подавил вздох... Хлопнул себя по лбу.

– Стойте, стойте, вспомнил!.. Полотенце. Я забыл взять полотенце!

– Что с того? – Крюк даже не замедлил шага. – Полотенце нужно тем, кто собирается тонуть.

– Но я читал...

– Да брешут всё. Не паникуй, юнга.

Потянулись дни пути. Телеги сменялись наёмными экипажами, те – почтовыми дилижансами. Когда не попадалось ничего, мы шли пешком. Крюк нервничал, с подозрением взглядывался в лица попутчиков и встречных. Был немногословен, от моих расспросов о пиратском житье-бытье лишь отмахивался.

– Потом всё узнаешь, после...

В тот вечер нам повезло: мы оказались единственными пассажирами ползущего через горный перевал дилижанса. Крюк развалился на лавке и сразу же захрапел. Я некоторое время рассматривал теряющиеся в облаках заснеженные вершины, но вскоре мерная тряска и скрип колёс сморили и меня. Пробудились мы от встревоженного ржания лошадей и криков возницы. Дилижанс стоял неподвижно, за окном расстилался сумрак. Насторожённо переглянувшись, выбрались мы наружу. С обеих сторон над дорогой нависал густой лес. Снежная пороша скрипела под ногами.

– Эй, что случилось?

– Вот ведь, господа хорошие, напасть-то какая... Едва осадить успел, а то б ещё немного и вся недолга... – возница поднял масляный фонарь, освещая ствол рухнувшего поперёк тракта дерева. – Вы уж не обессудьте, однако ж подсобить надобно, одному мне не совладать.

– Ну, раз надо – значит, надо, – сказал Крюк. – Давай, юнга, за работу. Раз, два, взяли!.. А я пока ещё вздремну пойду.

Такое распределение обязанностей пришлось мне не очень-то по душе. Но даже и втроём тут было бы не управиться. Лишь с помощью выпряженных из дилижанса лошадей сумели мы расчистить дорогу. В ожидании, пока возница вновь приведёт упряжь в порядок, прогуливался я вдоль лежащего на обочине ствола, не без гордости оглядывая дело рук и копыт наших. Пнул ногой торчащий из земли пенёк

и уже было собирался пойти обратно... Замер. Всмотрелся. Подозвал возницу.

– Вы не могли бы сюда посветить? Да-да, вот сюда, сюда, на пень...

– Эвона оказия, – возница поскрёб в затылке. – Нешто не само упало, нешто срубили?.. Это кто ж озорует?

Память и все прочитанные книги услужливо подсказывали мне ответ.

– Разбойники. Есть у вас тут разбойники?

– Да какое там... Бог миловал, почитай который год спокойно живём. Тишь да гладь да... – он вдруг запнулся и судорожно сглотнул. – Вот только сказывают... Ох, пронеси нелёгкая! Ходу отсель, господин хороший, ходу!

Возница опрометью бросился к лошадям. Я хмыкнул. Нет-нет, за малодушие я его не осуждал. Откуда ж было ему знать, что прямо тут, в дилижансе, спит знаменитый пират, который всяких разбойников погонит одной левой? И на зрелище такое, признаться, я бы глянул с превеликим удовольствием. В смутной надежде отыскать Крюку достойных соперников, углубился я в лес, вышел на небольшую прогалину... Вопль ужаса родился в моей груди, поднялся в горло, испугался сам себя, хрипло пискнул и вернулся обратно. Там, на прогалине, в призрачном свете луны, вперившись в меня пылающими бусинами глаз, расположилась тварь, быть которой здесь просто не могло. Весь мой – пусть и небогатый – жизненный опыт кричал о том, что водиться подобные

твари могут лишь в кошмарных снах.

Монстр стоял пригнувшись, но даже в таком положении превосходил меня ростом. Массивная бесформенная туша опиралась на могучие задние перепончатые лапы. Лапы передние, с когтистыми, гибкими, едва ли не человеческими пальцами, он держал на весу перед собой, словно изготовившись вцепиться мне в горло. Всё тело его, включая вытянутую, почти лишённую шеи голову, покрывала косматая бурая шерсть. Кроме хвоста. Чешуйчатый плоский хвост волочился за ним по снегу, пробуждая мысли о весле Харона и тех краях, откуда путник ни один не возвращался.

Я попятился. Монстр распахнул пасть, обнажил пару длинных и плоских, расположенных вплотную друг к другу клыков. Издал протяжный свист. В ту же секунду из леса донёлся свист ответный. Справа. Слева. Отовсюду, со всех сторон. Что было духу рванул я к дилижансу. Бросил взгляд через плечо. Монстр опустил на все четыре лапы и зубами впился в ствол ближайшего дерева. Из-под бешено работающих челюстей его летел поток стружки.

– Гони! – крикнул я, запрыгивая на подножку дилижанса. – Гони, не то мы пропали!

Долго упрашивать возницу не пришлось. Дилижанс тронулся, стремительно набирая ход. Туда, где стоял он ещё миг назад, с протяжным скрипом рухнуло дерево.

Во весь опор летели мы по тракту. Ржали лошади, щёлкал кнут, неверный свет фонаря выхватывал из темноты силуэты

всё новых и новых монстров. С неожиданным для столь массивных существ проворством галопом неслись они сквозь кусты по обеим сторонам от дороги. То и дело вокруг, едва-едва не задевая нас кронами, падали деревья. С трудом балансируя на подножке, распахнул я дверцу и перебрался внутрь дилижанса.

– Крюк, мы должны что-нибудь... Крюк?..

Знаменитый пират нашёлся под лавкой, с головой укутанным в попону. Пока я его оттуда вытаскивал, он отчаянно лягался.

– Что ты там... – страх одержал победу над вежливостью, и я перешёл на «ты». – Ладно, неважно... Пистолет!.. У тебя есть пистолет? Или хотя бы сабля?

Он отрицательно замотал головой.

– Ну хоть что-то же должно быть? Они сейчас до нас доберутся!

Крюк демонстративно распахнул крышку сундучка. С обречённой тоской глянул я на уже знакомых деревянных негрят и кипу листов бумаги. Вновь приник к окну.

Один из монстров поравнялся с дилижансом, напряжинил тело, прыгнул, уцепился за стенку. Раздирая обшивку когтями, полез вверх. Через мгновенье он уже топтался по крыше. Нас обдало потоком стружки. Круглое отверстие в потолке быстро расширялось под ударами клыков. Не помня себя от страха, схватил я какой-то предмет и запустил его прямо в оскаленную пасть. Монстр лязгнул зубами, пожевал. Мор-

да его приобрела задумчивое выражение. Он пожевал ещё. Обиженно пискнул, развернулся и скатился с крыши.

– Эбен! Чёрное дерево!.. Они не могут его разгрызть! – закричал я.

Спешно набрав из сундучка пригоршню фигурок, взгромоздился я на лавку и по пояс высунулся в дыру в потолке. Прицелился в очередного готовившегося к прыжку монстра.

– Получай!

Тот поймал статуэтку на лету. Вздымая тучи снежной пыли, затормозил всеми четырьмя лапами, уселся на собственный хвост и сосредоточенно задвигал челюстями. Я уже искал глазами новую цель. Крюк снизу подавал заряды.

Вскоре всё было кончено. За кормой дилижанса слышались тающие в отдалении жалобный писк и стенания.

Убедившись, что опасность нам более не грозит, в изнеможении повалился я на скамью. Крюк тем временем оправился от ужаса битвы, вновь обрёл свой обычный вид и теперь с подозрением сверлил меня взглядом.

– Слушай-ка, юнга, а откуда ты знал, что это эбен?

Странное дело: ещё утром такой вопрос напугал бы меня до обморока. Теперь же... Теперь, к немалому своему удивлению, я спокойно ответил:

– Копался в твоём сундучке. А что?

И посмотрел на Крюка с вызовом. Тот свирепо пожевал губами. И вдруг расхохотался.

– А я ведь, бушприт мне в гакаборт, не ошибся! Пожа-

луй, что и выйдет из тебя толковый пират, – он помрачнел. – Только за разбазаривание имущества всё равно вычту у тебя из первой же добычи.

Я даже не расстроился. Пьянящее чувство победы наполнило меня. Вот видела бы меня сейчас... Нет-нет. Эту мысль я поспешил отбросить. Думать об этом никак не следовало.

Три четверти часа спустя мы сидели в трактире придорожной деревушки. Крюк откупорил вторую бутылку рома. По лицу его разлилось блаженство, он то и дело бросал масляные взгляды на хлопотавшую за стойкой прехорошенькую дочку трактирщика. Собравшиеся вокруг нашего возницы местные жители охами, вздохами и всплесками рук встречали повествование о необычайном происшествии. С каждой новой вливавшейся в горло возницы кружкой число и размеры монстров возрастали многократно. Я задумчиво водил пальцем по столу. Воспоминания о пережитой опасности настраивали на меланхолический лад и пробуждали мысли о вечном: добре и зле, чести и бесчестье, жизни и смерти.

– А вот интересно, – спросил я Крюка, – это обязательно тех, кого грабишь, потом... ну это... убивать?

Он поперхнулся ромом и посмотрел на меня едва ли не с ужасом.

– Юнга, ты вообще в уме? Ты сам-то подумай. Если мы их будем убивать, то кого в следующий раз будем грабить?

У меня отлегло от сердца. Вопрос этот смушал меня дав-

но, а столь простой и логичный ответ в голову почему-то не приходил.

– Нет уж, с такими кровожадными замашками тебе пиратом нипочём не стать. Умный пират никогда не станет подрывать свою кормовую баз... Подслушиваешь, мерзавец?! – он схватил за ухо худенького мальчишку-полового, с виду – моего ровесника. – Ух, я тебе сейчас!

Что именно грозило незадачливому половому, узнать нам было не суждено. Дверь трактира отворилась с протяжным скрипом. Могильным холодом дохнул на нас ворвавшийся с улицы ветер. На пороге стоял человек, с головы до пят укутанный в чёрный с алым подбоем плащ. Одним плавным движением, будто бы и не касаясь ногами земли, скользнул он к центру зала. Плащ распахнулся, явив безупречный фрак и мертвенно-бледное лицо в обрамлении тёмных, гладко зачёсанных назад волос.

– Приветствую вас, добрые поселяне! – хотя голос незнакомца, казалось, наполнял помещение целиком, рта он почти не раскрывал, словно не желая лишний раз обнажать зубы. – Я прибыл в сей неурочный час, дабы извиниться за то маленькое недоразумение, что имело...

С криками ужаса, опрокидывая лавки и столы, добрые поселяне повскакали с мест. Не разбирая дороги, ринулись к дверям и окнам. Через мгновение в трактире остались только мы с Крюком, всё ещё сжимавшим ухо полового, да распростёртая без сознания на полу дочь трактирщика, которую

поселяне затоптали во время отступления. Взгляд незнакомца впился в лицо девушки. С проворством летучей мыши очутился он подле неё.

– Не смей к ней прикасаться! Слышишь, ты, порождение тьмы!

Извернувшись всем телом, половой наконец-то высвободил ухо и теперь, подняв над головой табурет, наступал на незваного гостя. Тот, не глядя, отмахнулся рукой. Преодолев с десятков футов по воздуху, парнишка с треском впечатался в стену. Незнакомец подхватил дочь трактирщика на руки, окутал плащом и в одно мгновение скрылся за порогом. Я выскочил вслед за ним, но единственным, что удалось мне разглядеть, была исчезающая во мраке тень.

На крыльцо трактира, с любопытством поводя носом, вывалился Крюк. Вслед за ним – прихрамывающий и с болезненной гримасой потирающий спину половой.

– Ну всё, – Крюк удовлетворённо кивнул. – Домой потащил. Там допьёт.

– Что... допьёт? – спросил я.

– Хех, мне казалось, ты более начитанный. Сам-то посуди: бледный как немочь мужик во фраке – это в диких-то горах – заявляется посреди ночи и утаскивает смазливую девчонку. Ну и кто, по-твоему, это может быть, а?.. Добрый фей?

– Граф Стокеш, – сказал половой. – Про него рассказывают... всякое. Говорят, те чудовища, что вы встретили, – его прислужники.

– Ну вот, пожалуйста! – Крюк торжествующе посмотрел на меня. – Жалко, конечно, девку. Видная такая... была.

– Белль. Её зовут Белль, – сказал половой. – Я хотел... Только не подумайте, я не подслушивал, честное слово!.. Но... В общем, слышал... Извините... А вы взаправду настоящие пираты?

– Нет!.. Да! – сказали мы с Крюком решительно и одновременно.

Крюк скорчил страшную рожу и отвесил мне подзатыльник.

– Я... – парнишка замялся. – В общем, я читал, что пираты – очень благородные люди. Вот и хотел спросить...

Крюк сразу же поскучнел.

– Э нет, так не пойдёт. Это тебе не к пиратам, это к робингудам каким-нибудь. Не собираюсь я твою зазнобу выручать, даже не придумывай. Мне вредно, у меня и так малокровие.

– Она не моя... гм... Извините... Ничего, я сам... тогда...

Нахохлившись и засунув руки в карманы, он быстро зашагал по уводящей в лес дороге. Я нагнал его и пошёл рядом.

– Должен тебя предупредить, я не совсем настоящий пират. Пока. Но... я тоже кое-что читал... Кстати, Питер.

– Патрик, – он с нескрываемым облегчением пожал протянутую мною руку. – Спасибо. Я не забуду.

– Ну и дураки оба, – сказал нам вслед Крюк. – Пожелайте там от меня графу приятного аппетита!

Что ж, выглядело это всё как в лучших образцах пиратских романов. Презрев грозящие ему опасности и невзгоды, благородный герой по первому зову судьбы отправляется на битву со злом и несправедливостью. Некоторое время благородный герой чрезвычайно собою гордился. Затем герою стало холодно. Затем, чего уж греха таить, страшно. Герой вдруг задался вопросом о том, что же именно мы будем делать, когда найдём графа. И как вообще собираемся его искать?

– Патрик, а ты в курсе, где этот Стокеш живёт? – спросил я.

Он ткнул пальцем куда-то вверх. Я задрал голову. На вершине ближайшей горы, словно бы вырастая из отвесных скал, высился полуразрушенный замок. Едва занявшаяся багровая заря подсвечивала обвалившиеся башни и чёрные провалы бойниц.

– Угу, – сказал я, поёжившись, – живописно. Одно хорошо, когда дойдём, уже светло будет. Ты там был когда-нибудь?

– Нет, что ты. Туда никто из местных не ходит. Никогда.

– Понимаю. Красиво, загадочно... И смертельно опасно.

– Почему?.. Ах, да... То есть – нет. Но это вам, проезжим туристам, такие штуки нравятся. А мы-то здесь привычные. Да и недосуг как-то всё...

Предсказание моё сбылось: когда наконец добрались мы до замка, солнце уже светило вовсю, озаряя поле грядущей

битвы. Окованные железом ворота и уходящие ввысь стены порождали мысли о таранах, штурмовых лестницах, осадных башнях, льющемся за шиворот кипящем масле и летящих из-за зубцов арбалетных болтах.

– Мда... – сказал я. – Чувствую, здесь не обойтись без тщательной подготовки. Патрик, ты умеешь делать требующее?

– Нет, извини... Я же только за столами прислуживал. К кухне меня и не подпускали никогда... Странно... Мне казалось, днём он, наоборот, должен спать.

Он рассматривал выходящий из притолоки ворот шнурок с кисточкой на конце. Табличка под шнурком гласила: «Граф Стокеш. Приёмные часы: 09.00 – 18.00. Пять последних минут каждого часа – перерыв на проветривание».

– Хм... – сказал я. – Возможно, мы ошиблись. Возможно, имеет смысл дожидаться ночи.

– Я не могу ждать, извини. Пока Белль там, в лапах этого чудовища...

Патрик решительно протянул дрожащую руку и дёрнул за шнурок. Из недр замка донёсся глухой удар колокола. Ворота растворились, открывая взору освещённый редкими факелами проход. Мы отпрянули, дружно взвизгнув от ужаса. Удивительным было то, что «мы» это включало меня, Патрика и уже знакомого косматого ночного монстра, который боязливо рассматривал нас, наполовину спрятавшись за воротной створкой.

– Давайте не будем делать глупостей и поспешных выводов! – я поднял руки, демонстрируя ему пустые ладони. – Мы всего лишь хотим... гм... обсудить условия вашей безоговорочной капитуляции.

Монстр недоверчиво потянул воздух круглым, будто у плюшевой игрушки, носом.

– Предупреждаю, сопротивление бесполезно, вы полностью окружены, – добавил я на всякий случай, неопределённым жестом указав на Патрика.

Благо тот уже совладал с паникой и теперь, набрав в грудь побольше воздуха и растопырив локти, делал вид, что и впрямь окружает замок со всех сторон. Монстр отступил вглубь коридора, замер и посмотрел на нас выжидающе.

– По-моему, он хочет, чтобы мы следовали за ним, – сказал Патрик.

Меня терзали сомнения. С одной стороны, это могло оказаться коварной ловушкой. С другой же... «Ох, горе ты моё... Если ты и правда намереваешься стать пиратом, может, стоило бы уже давно начать какие-нибудь тренировки?..» Я тряхнул головой, отгоняя непрошеное видение, и упрямо пошёл вперёд.

Коридор привёл нас в сводчатый зал. Середину его занимал монументальный круглый стол, вдоль стен выстроилось множество старинных рыцарских доспехов. Откуда-то сверху лилась тихая органная музыка. Монстр уселся на хвост и скрестил передние лапы на груди. Мы с Патриком перегля-

нулись и, следуя его примеру, тоже опустились в приставленные к столу кресла. Удостоверившись, что предложение его истолковано верно, монстр довольно присвистнул и скрылся за дверью с надписью «Служебное помещение».

– Патрик, что мы, по-твоему, здесь делаем? – спросил я минут пятнадцать спустя.

– Боюсь ошибиться, но... Осаждаем?

– Ну, формально, да... Только не замок, а стол. Замки не так осаждают, я уверен. Предлагаю осаду завершить и переходить к штурму.

Дверь, за которой скрылся монстр, вела в новый длинный коридор. По сторонам его, за стёклами шкафов, лежали всевозможные пыточные орудия, при одном лишь взгляде на которые уши наполнялись фантомными воплями терзаемых жертв, и склянки, исписанные загадочными символами «O(I) Rh+» и «AB(IV) Rh-».

От картины же, открывшейся нам за следующей дверью, сердце моё нырнуло в наполненные липким ужасом глубины пяток. Свет ослепительно ярких фонарей заливал комнату. Воздух дрожал от гула исполинской машины, что целиком заполняла собою дальний угол. По сверкающим медным бочкам её то и дело пробегали синие молнии. Всё тот же – а, может, просто похожий – монстр с натугой вращал приделанную к машине кривую рукоять. Разноцветные жидкости пузырились в колбах и ретортах, перетекали из одного сосуда в другой по извивающимся как змеи трубкам. Граф Стокеш,

облачённый в белую мантию, высился над затянутым белой материей алтарём. Руки его были раскинуты в стороны, лицо обращено к небу.

– Диагносис экс ювантибус. Абитус азграти ин оптима форма, – бормотал он таинственные заклинания. – Она жива!.. Она жива!

Сидевшая на алтаре Белль и впрямь выглядела живой. Смотрелась в ручное зеркальце и деловито оправляла пришедшие в беспорядок локоны. Патрик метнулся вперёд. Оттолкнул Стокеша, встал между ним и девушкой.

– Даже не думай прикоснуться к ней, исчадие ада! Ты не пройдёшь! – на этом запас решимости его, по-видимому, исчерпался, потому закончил он уже другим тоном: – Если тебя... вас... не затруднит не проходить, конечно же... Спасибо... Извините...

Монстр бросил крутить рычаг и с жалобным писком укрылся за машиной. Гул стих, в комнате сразу же стало темнее.

– О, мой спаситель, мой герой! Прильни же скорее к моим жаждущим устам! – управившись с причёской, Белль деловито распахнула объятия и выпятила губы.

Патрик в один миг сделался белее Стокеша. Помешкав, робко потянулся к девушке.

– Да не ты, дурак!.. Вот он!

Стокеш, на которого указывал палец Белль, в свою очередь сделался белее Патрика.

– Гм... Милая барышня, я, разумеется, благодарен вам... хм... за благодарность... Но, боюсь, профессиональная этика не позволит мне её принять. Видите ли, отношения между врачом и пациентом не допускают...

– Паци... кем?! – в голосе Белль звучало нечто, заставляющее усомниться в том, что самым страшным в этой комнате был монстр.

– Ах да, прошу прощения, я же не представился. Граф Стокеш, доктор медицины. Очень рад знакомству, – он повернулся к Патрику. – А ты, если не ошибаюсь, тот самый юноша, которого я имел неосторожность так грубо толкнуть при прошлой встрече? Приношу мои искренние и глубочайшие извинения... Я, понимаете ли, ошибочно диагностировал у барышни тяжёлую черепно-мозговую травму. А в таких случаях показана экстренная госпитализация. Нельзя терять ни секунды. К счастью, диагноз не подтвердился и всё, как видите, закончилось благополучно.

– Закончилось?.. Ну уж нет. Даже не надейся. Ничего не закончилось! – Белль соскочила с алтаря, который в свете новых обстоятельств следовало считать хирургическим столом, и теперь воинственно наступала на Стокеша. – Так ты, выходит, всего лишь жалкий докторишка? А вовсе не древний, могучий и состоятельный вампир, это я правильно сейчас поняла?.. То есть ты даже и не собирался при свете полной луны нежно кусать меня за шею, даруя любовную истому, бессмертие, вечную молодость и кольцо с бриллиан-

том?.. Может, и графство твоё фальшивое? Может, скажешь, и замок не твой?

Судя по выражению на лице Стокеша, сейчас он с удовольствием последовал бы примеру монстра и забился в какой-нибудь тёмный угол.

– Отчего же?.. Позвольте... Граф я. Очень даже. Меня так в честь дедушки назвали. Понимаю, имя редкое, но всё же... А вот замок... то есть клиника... она и правда не моя. Я тут по распределению.

– Ах вот оно что, вот как он заговорил... Подумать только, и на этого лживого мерзавца я потратила несколько лучших часов своей жизни!.. Голову, чтобы его заполучить, едва не разбила, укладку испортила... Коновал неблагодарный!.. Дерматолог!

Белль ринулась к выходу. На пороге задержалось, обвела нас испепеляющим взглядом.

– И не воображайте себе, что я это так оставлю. Запомните: дорого вам обойдётся растоптанный цветок моей оскорблённой невинности!

Дверь за ней захлопнулась, породив лёгкий камнепад с потолка. Некоторое время, переминаясь с ноги на ногу и смущённо хмыкая, все мы изучали глазами собственные ботинки. Стокеш пришёл в себя первым.

– Мда... Ночь выдалась бурной. Для вас, друзья мои, полагаю, тоже. Смею надеяться, вы не откажетесь разделить со мной ужин? Или завтрак, я теперь даже и затрудняюсь ска-

зять...

– ...Вампир?! Они думают, я – вампир? Нет, правда?... А я-то всё гадал, почему у меня за год так и не появилось ни одного пациента! – Стокеш зашёлся в новом приступе хохота.

Мы вновь осаждали тот самый круглый стол. Потрескивал огонь в камине, отсветы его плясали по старинным портретам и рыцарским доспехам. Монстры – их, как выяснилось, в замке проживало около десятка – сноровисто меняли тарелки.

– С другой стороны, – продолжал Стокеш, – ошибка простительная. Я же гематолог по основной специальности. Так что в некотором смысле кровь и правда люблю. Но не в гастрономическом, честное слово. Даже мысли такой не возникало.

– А вот они? – я указал на ближайшего монстра. – Они как... гм... к крови относятся?

– Кто, кастороиды-то? Плохо относятся, боятся они её... Погоди, или ты спрашиваешь... А, нет-нет, что ты! Добрейшей души звери. Мухи не обидают. И убеждённые вегетарианцы.

– Тогда почему они на нас напали?

– Моя вина, недоглядел. Потому сразу же в деревню и поехал, вас отыскать и извиниться. Уж простите ещё раз великодушно. В дилижансе-то, видать, книги были? Или другие

какие бумаги?

Вспомнив сундучок Крюка, я кивнул.

– Ну вот и ответ.

Поднявшись из-за стола, он направился к вмурованному в стену несгораемому шкафу, звякнул ключами, провернул колесо запорного механизма. Кастороиды собрались вокруг него, нетерпеливо переминаясь с лапы на лапу и постукивая хвостами по полу.

– Целлюлоза, – пояснял Стокеш, раздавая им книжные тома. – Деликатес. Душу готовы за книги продать. Но я-то их ограничиваю, много им вредно. Близорукость развивается, экзистенциальные кризисы... А если уж современный любовный роман попадётся... Гарантированное несварение!

Он помолчал, дожидаясь, пока стихнет чавканье и хруст бумаги.

– А болеть им нельзя, они и так почти вымерли. Мне по чистой случайности удалось отыскать в Сахаре последнюю крошечную популяцию. Палеоветеринария – моё хобби, видите ли.

– Где-где отыскать?.. Постойте, но ведь там пустыня, там деревьев нету. А я своими глазами видел, как они...

– Так вот потому и нету. Перестарались маленько. Говорю ж, ограничивать приходится. Вот, бывает, соблазна и не выдерживают. На большую дорогу выходят разбойничать... Кстати, о дороге. Я же так и не спросил: вы-то куда путь держите?

Вопрос этот застал меня врасплох. Мне вдруг пришло в голову, что столь благородный и добродетельный человек, как доктор Стокеш, моё намерение стать пиратом может истолковать превратно.

– Эмм... – сказал я, избирая как можно более нейтральную версию. – У меня есть... был... проводник. Который сейчас немножко потерялся... И за разработку маршрута он отвечал... Но если я правильно его понял, речь шла о Сан-Януарио.

– Ага. Пираты, стало быть, – сказал Стокеш без тени удивления.

– Что?! Да как вы могли такое подумать?!.. Гм... Как вы догадались?

– Уж невелика наука. Всякий, кто по доброй воле направляется в Сан-Януарио, – либо уже пират, либо мечтает в пираты поступить. Мне ли об этом не знать? Меня ж сюда после окончания Сан-Януарского университета имени Блада и распределили.

– Да, но это только я. Патрик – он не такой. Он здесь, чтобы Белль... спасти... Точнее... Ну, в общем... гм...

Патрик, который всё это время сидел, молча уставившись в тарелку, вскинул голову.

– Я хотел спросить... Извините... А вы, случайно, не знаете, там, в этом Сан-Януарио, в пираты всех принимают? Могут, например, я... Ну...

– От способностей зависит. Или от связей... На известный

корабль к знаменитому капитану попасть сложновато. Конкурс довольно велик. Но в целом пиратское образование в Сан-Януарио получить нетрудно. Я бы даже сказал, оно там всеобщее и обязательное. А что?

– Я просто подумал... Впрочем, нет, извините. Если честно, я так хочу спать, что мысли путаются.

Патрик вновь опустил глаза в тарелку. Слова его напомнили мне о том, что я тоже не спал уже более суток. А вместе с этой мыслью разом навалилась и вся затаившаяся до поры усталость.

– Не считите за попытку нащупать границы вашего гостеприимства, доктор, – сказал я, – но не найдётся ли у вас каморки, где мы могли бы вздремнуть?..

Гостеприимство Стокеша оказалось безграничным. Нам отвели лучшие комнаты замка. После ночёвок в придорожных трактирах, а то и прямо на земле, возлежать на мягких перинах и белоснежных простынях было истинным наслаждением. Впрочем, толком насладиться я не успел, ибо сразу же провалился в сон. Очнулся лишь вечером, когда за окнами стемнело и полная луна уже висела над горами. Заглянул в комнату Патрика. Никого. Добрёл до полутёмного, освещённого лишь догорающими в камине углями зала. Возле буфета копошилась бесформенная фигура.

– Кхм!.. – сказал я.

– А-а-а!.. – сказала фигура. – Килька тебя отрави, юнга!

Нельзя же так пугать.

– Крюк?.. Ты что тут делаешь?

– Спасая твою никчёмную школу, вот что.

– Ага, любопытно... И для этого взламываешь буфет?

– Ну да, заодно и материальные ценности спасаю. Что ж им теперь, зазря в огне пропадать?

В зал вбежал запыхавшийся Патрик.

– Скорее... Они идут... Доктор... Где он?!.. Нужно его предупредить!

– Да объясните же, чёрт возьми, что происходит?.. Кто идёт, куда идёт? Какой ещё огонь?

Терпение и любопытство мои были на пределе. Патрик же всё никак не мог отдышаться.

– Деревенские... С вилами и факелами... Уже близко...

– Угу, точно так, – Крюк продолжал возиться с замком буфета. – Вы, значит, как ушли, мы там внизу немножко погоревали, как полагается, да и забыли. А утром девчонка эта прибежала. Глаза горят, фыркает, что твоя морская кошка... Ух, хороша!.. Ну и рассказала, какие вы тут с ней безобразия проделать намеревались.

– К-к-какие?.. – ошарашенно спросил Патрик.

– А это уж вам лучше знать... Но я такого от вас и не ожидал даже. Большие затейники вы, оказывается.

– Но ведь это ложь!..

От волнения Патрик весь пошёл красно-белыми пятнами.

– А мне какая забота? Моё дело – спасти! – замок нако-

нец поддался, и теперь Крюк набивал карманы серебряными ножами и вилками. – Местные-то, как поняли, что у них столько времени от простого фельдшера поджилки тряслись, обозлились – жуть! Общий сход созвали да постановили его линчевать, а замок спалить. А я, не будь дурак, – скорей сюда побежал. Пока, значит, ценности не пострадали... Ну и вы тоже.

– Так, понятно, – сказал я. – Я вниз, попробую их задержать и, может, как-то образумить. Патрик, ты пока найди доктора и...

– Нет, я с тобой. Там Белль, я должен ей... её...

– Ладно, ладно... Крюк, тогда ты Стокеша ищи!

Не обращая внимания на протестующие вопли пирата, мы побежали на улицу. Вовремя. Толпа линчевателей уже приближалась к стенам замка. Свет факелов озарял перекошенные злобой лица, топоры и рогатины. Впереди шагала Белль с вилами-тройчатками наперевес.

– Стойте! – закричал я. – Вы совершаете большую ошибку. Граф Стокеш не сделал вам ничего плохого. Он врач, учёный!

– Правильно!.. Верно!.. Дело говоришь, парень!.. – зазвучал в ответ нестройный хор голосов. – Ещё какой бессовестный врач, первостатейный!.. Ты погляди ж, честным вампиром прикидывался, а сам как есть учёный живодёр-душегуб!.. У-у-у, докторово семя!.. Холеру пускает... Покойников с кладбища ворует... С Мефистофелем знается... Порчу

на скот и девок наводит... Хватай его, люди добрые, бей!..
На костёр!.. Жги!

– Белль, одумайся, – умоляюще сказал Патрик, преграждая ей путь. – Пока не поздно, расскажи им, как всё было на самом деле. Пожалуйста!

– Это какая я тебе такая Белль? Ишь, чего удумал, любодей!.. Запомни, для тебя я – Белладонна. И только так! Прочь с дороги, ничтожество, перешибу!

Она замахнулась вилами. Патрик втянул голову в плечи, но не отступил. Удара, однако, не последовало. Разинув от изумления рот, Белль смотрела вверх, на гребень замковой стены. Там, на фоне круглого диска луны, скрестив руки на рельефной, повторяющей анатомию мышц панцирной груди, стоял закованный в чёрные латы рыцарь. Неощутимые здесь, внизу, порывы ветра развевали за его спиной чёрный плащ. Верхнюю часть лица скрывало опущенное забрало шлема. И лишь характерный квадратный подбородок выдавал в нём доктора Стокеша.

Он сделал шаг вперёд. В пустоту. Камнем рухнул вниз. Раскинул руки. Плащ его наполнился воздухом, тугими крыльями развернулся за спиной.

Мало-помалу снижаясь, бесшумно и величественно парил он над нашими головами. Опустился к подножию стены. Мягко приземлился на колено. Встал во весь рост, обвёл взглядом ряды линчевателей.

– Не таите страха в сердцах ваших, добрые поселяне! – го-

ворил он негромко, но каждое слово было отчётливо слышно в установившейся мёртвой тишине. – Вы звали доктора. Доктор пришёл.

Стальная перчатка его легла на вилы в руках Белль.

– На что жалуетесь? Переломы конечностей? Ушибы мягких тканей и внутренних органов? Обширные гематомы? Я готов оказать квалифицированную медицинскую помощь. Как любил повторять Гиппократ: что не исцелит лекарство, то излечит железо!

Пальцы сжались. Толстая рукоять вил преломилась под ними как спичка. Толпа ахнула и вся, в едином порыве, подалась назад. Вся, кроме Белль. Медленно, словно в сомнамбулическом трансе, наступала она на доктора.

– О мой герой... Мой летучий мышоночек... Что же ты сразу не сказал, не открылся?.. Дай же мне поскорее упасть в твои любящие объятия!

Стокеш попятился. Обернулся к нам. На лице его – вернее, на подбородке – была написана растерянность.

– Друзья мои, боюсь, здесь медицина бессильна. Как врач, рекомендую нам спастись бегством.

Сунув два пальца в рот, он пронзительно свистнул. Ворота замка распахнулись. Вихрем вылетел из них табун осёдланных кастороидов. Впереди, на головном звере, скакал Крюк. Взрывая землю лапами и хвостами, кавалькада замерла подле нас. Стокеш без промедления взлетел в седло.

– Всё успел собрать? – спросил он Крюка.

Презрительно фыркнул, тот указал на притороченные к бокам кастороидов саквояжи.

– А то!.. Уж коли меня добром просят хватать и тикать – так два раза просить не требуется.

Я посмотрел на Патрика. Патрик посмотрел на Белль. Белль неотрывно смотрела на Стокеша. Взгляд её затуманился, рот приоткрылся, слёзы восторга катились по щекам. Патрик вновь посмотрел на меня. Я пожал плечами. Он посмотрел на Белль... На меня... На Белль...

– К чёрту!.. Лучше уж пиратом.

Он махнул рукой и решительно полез в седло. Я последовал его примеру. Стокеш поднял кастороида на дыбы, простёр над толпой стальную длань.

– Не поминайте лихом, добрые поселяне! И ничего не бойтесь! Пусть мы друг друга не поняли, пусть возникли у нас разногласия... Но если вдруг нагрянет беда, если потребуется вам медицинская помощь... Звоните в колокол: девять ударов, один удар и ещё один... И тогда... Тогда доктор вернётся!.. Но-о-о, пошёл!..

Он переложил поводья и рванул кастороида в галоп, увлекая за собой в ночь всю нашу маленькую экспедицию.

Глава третья. Как отличить кока от капитана и пирата от пирата

Пару часов спустя сидели мы возле костра на лесной поляне. Огонь согревал руки и душу, изгоняя тревожные мысли и воспоминания о пережитых опасностях. Вокруг, то и дело роняя деревья, паслись проголодавшиеся кастороиды. Стокеш с видимым облегчением снимал тесные доспехи. Крюк одобрительно хлопнул его по плечу.

– А ты, дохтур, ничего такой... Пряма – ух!.. Морской ястреб!.. Красиво их там всех залечил.

– Доктор, а вы точно не вампир? – спросил я. – Иначе откуда у вас такие сверхъестественные способности?

Стокеш засмеялся.

– Естественные способности. Более чем. Естественнонаучные!.. Скучно ж без пациентов сидеть. Вот я в рамках исследовательского проекта по анатомии этот доспех и усовершенствовал. Пружины да система рычагов в суставах... Обычная биомеханика, ничего особенного. Кабы знал, что мне в этом и правда бегать придётся, на размер больше сделал бы. Не таким обтягивающим.

– Так и теперь что? Получается, мы вас без жилья и работы оставили.

– И очень даже замечательно получается. Вы, друзья мои, разбередили в душе моей прекраснейшие воспоминания... Тёплое море, ласковое солнце, склонившиеся к воде пальмы, тропические болезни, от которых ещё не изобрели лекарства, неизвестные науке свирепые звери, что скрываются в джунглях, наядовитейшие змеи, чей укус грозит мучительной смертью, поразительные образцы колотых, рубленых и огнестрельных ранений на каждом шагу... О, как же я скучал по Сан-Януарио!

– Это, выходит, вы с нами ехать собираетесь?

– И да, и нет... Сперва нужно кастороидов пристроить, они с деревянными кораблями не очень хорошо сочетаются. Я, собственно, давно уже собирался в Амазонию их отвезти. Лесов там столько, что на съеденный десяток-другой квадратных миль никто и внимания не обратит. Да и книг – а, значит, и лишних соблазнов – нету. Вернее сказать, книги-то есть, но не бумажные. Тамошние племена их на шаманов-чтецов записывают.

– Ну а ты как? – я повернулся к Патрику. – Точно уверен?

– Знаете, пока сюда ехали, я всё размышлял... – он неотрывно смотрел на огонь, словно тщился прочесть в нём нужные слова. – Не могу сказать, что пиратство так уж меня прельщает... Уж извините... Но никогда раньше я... Там, в деревне... Не чувствовал себя частью чего-то большего. Частью команды. И если для этого требуется стать пиратом... Пусть будет так. Пусть меня называют Патрик Чёрная Боро-

да. Я готов.

С трудом подавил я улыбку. Крюк заржал так, что едва не свалился в костёр. Стокеш же мягко сказал:

– С точки зрения возрастной физиологии, полное отсутствие лицевой растительности до определённого момента – явление широко распространённое и представляет собой вариант нормы. Не стоит по этому поводу волноваться.

– Вот я и говорю, – отвечал Патрик с достоинством. – Как начнёт расти – так уж непременно чёрная будет.

Теперь, верхом на кастороидах, передвигались мы значительно быстрее и уже к исходу недели добрались до...

– Сан-Януарио? – спросил я.

Многоэтажные фахверковые дома из стекла и камня окружали нас со всех сторон. Дым заводских труб непроницаемым облаком висел над головой. Строго одетые неулыбчивые люди деловито и озабоченно сновали по улицам. Из дверей трактиров доносился запах сосисок и квашеной капусты.

– Тигровая акула загрызи, что у тебя было по географии, двоечник? – сказал Крюк. – Когда, по-твоему, мы океан пересечь успели? Это Люфтхансбург, тут у нас пересадка.

Здесь наши с доктором Стокешем пути разошлись. Ему ещё предстояло отыскать для своих питомцев непрогрызаемые транспортировочные клетки. Мы же, тепло с ним распрощавшись, заторопились в порт. Лавируя среди безбрежных толп прибывающих и отправляющихся, с трудом про-

тиснулись к кассе.

– Три билета до Сан-Януарио, – сказал Крюк барышне за толстым сабленепрорубаемым стеклом.

– Класс? Купеческий или паломнический?

– Дешёвый! – отрезал Крюк.

– Могу предложить новую экономичную компанию, но должна предупредить, что...

– Но-но, заткни фонтан! – Крюк погрозил ей крюком. – Знаю я эти ваши штучки. Лишь бы честного пассажира до гола раздеть и на финансовое дно отправить. Цена!.. Вот всё, что меня интересует.

Билеты и впрямь оказались на удивление недорогими. Крюк тащил нас к выходу на посадку, наставительно приговаривая:

– Вот так-то, учитесь, юнги. С этими головорезами, что продажей билетов заправляют, ухо остро держать надобно.

– Они тоже пираты? – спросил Патрик.

– Хуже... Гораздо хуже. Бандиты настоящие. Банда Невидимой Руки. Стоит им углядеть прибыль, как они тут же расправляют плечи. И тогда нет такого преступления, на которое они не рискнули бы пойти, хотя бы и под страхом виселицы.

Мне тем временем не давала покоя одна тревожная мысль.

– Слушай-ка, Крюк... Хорошо, пусть я и не могу похвастаться отличным знанием географии... Но всё же практически уверен, что в Люфтхансбурге нет моря.

– Моря нету?.. А с чего это ты, печень минтая тебя разрази, взял, что здесь должно быть море?

Он распахнул выходную дверь. Порыв свежего ветра ударил мне в лицо. Взору открылось ровное поле, сплошь уставленное воздушными шарами. Ряды их уходили за горизонт. Всех мыслимых размеров, самых немислимых расцветок, стояли они в ожидании, взлетали, садились, принимали и выгружали пассажиров...

В корзине нашего шара, который не без труда отыскивали мы среди прочих, уже сидел пассажир, совсем ещё – даже по нашим с Патриком меркам – мальчишка, худенький и огненно-рыжий.

– Что, первый раз летишь? – спросил Крюк, плюхаясь на скамейку рядом с ним. – Не бойсь, это не страшно... Ну, мне рассказывали, что не страшно... Не знаешь, когда уже отправляемся?

– А вы в Сан-Януарио, да?

Дождавшись утвердительного кивка, мальчишка встал, перегнулся через борт и одним движением отвязал канат, что удерживал шар на месте. Земля ушла из-под наших ног и начала стремительно удаляться.

– Стой!.. Куда?.. Ты что наделал?! – наперебой заорали мы.

Рыжий невозмутимо достал из кармана листок бумаги, разгладил его, прочистил горло и монотонно забубнил, водя пальцем по строчкам.

– Дамы и... гм... господи и господи, добро пожаловать на борт воздушного судна, следующего рейсом Люфтхансбург—Сан-Януарио. Наш полёт будет проходить на высоте... ну, это как повезёт... со скоростью ветра, в хорошем и плохом смысле. Продолжительность полёта зависит от метеоусловий. Капитан корабля и экипаж желают вам выжить.

– Где?! – вопил Крюк. – Где экипаж?.. Где капитан?.. Верни меня назад, на землю, проклятый малолетний убийца! Немедленно верни меня в этот прекрасный майский день на твёрдой почве!.. Майский день, слышишь, ты?! Майский день!..

– Пожалуйста, не орите и пристегните ремни, – мальчишка недовольно поморщился и ткнул себя пальцем в грудь. – Райан О’Брайен. Капитан О’Брайен. Экипаж – это тоже я.

– Извини... те, капитан, не хочу показаться невежливым... – сказал я. – Но сколько вам лет?

– Пятнадцать, конечно же.

– Протестую! – продолжал бесноваться Крюк. – Требую взрослого капитана!.. Опытного капитана!.. Старого капитана!.. С вот такой вот бородой!.. До пола!

О’Брайен покачал головой с видом человека, давно разувверившегося в умственных способностях окружающих.

– Объясняю для неспециалистов. Взрослый капитан – это толстый капитан. Толстый капитан – тяжёлый капитан. Тяжёлый капитан – это лишний вес. Лишний вес – увеличение стоимости перевозки. Вас что, когда билеты продавали, не

предупредили, что мы экономичная компания?.. У нас все капитаны пятнадцатилетние.

Специалистом я себя не чувствовал и потому молчал. Патрик, судя по всему, об экономической теории воздухоплавания дискутировать тоже не намеревался. Чего нельзя было сказать о Крюке.

– Мошенники! Проходимцы! Это прямое нарушение прав потр...

Он не доорал, поскольку в рот ему, вынуждая зайти в приступе кашля, угодил сгусток белого водяного тумана. Шар вошёл в пелену облаков.

– Полундра! Теряем высоту! – выяснилось, что О’Брайен умеет издавать не менее громкие вопли. – Сбросить балласт!

Он подпрыгнул и ловким движением сбил с Крюка треуголку. Величественно планируя, скрылась она в облаках за бортом.

– Ты что... себе... – Крюк от удивления даже успокоился.

– Вот. Так-то лучше, – О’Брайен тоже вернулся к прежнему тону. – И прошу заметить: если вверенному мне судну угрожает опасность, на правах капитана я имею право сбросить за борт любой балласт. Любой, подчёркиваю. Особенно слишком разговорчивый.

– Да я тебя сейчас самого, щенок!..

Крюк шагнул вперёд. О’Брайен безразлично пожал плечами.

– Как будет угодно. Если вы, конечно, способны управлять

воздушным шаром самостоятельно.

Мы, не сговариваясь, посмотрели вниз. Крюк опасно икнул, но продолжал хорохориться.

– Подумаешь, невелика наука... Вон, компас есть. Знай себе, на запад держи.

– Что ж, удачи в вашем безнадёжном предприятии. Именно для таких случаев наша компания использует конструктивно предусмотренную магнитную девиацию.

О’Брайен распахнул крышку нактоуза². Там, под самым компасом, толстыми цепями намертво укреплен был железный топор.

– Поправочный коэффициент, а следовательно – истинное направление, не знает никто, кроме капитана. В общем, решайте: хотите со мной в Сан-Януарио... Либо же без меня куда-нибудь в Африку. Или в Антарктиду, как получится.

Крюк с досадой плюнул, махнул рукой и опустился на скамью. О’Брайен удовлетворённо кивнул.

– Итак, господа и господа, наш шар благополучно набрал высоту. Если бы вы пристёгивали ремни, то теперь их можно было бы отстегнуть. Вскоре вы предложите экипажу лёгкие закуски и прохладительные напитки.

– Наоборот, нам предложат, – сказал Патрик. – Ну, мне так кажется... Извините...

² Первое правило сочинения пиратских романов гласит: во всяком уважающем себя пиратском романе должны то и дело встречаться непонятные морские термины. Уж извините, но это традиция.

– Нет-нет, всё верно, – О’Брайен в свою очередь растянулся на скамье. – Напоминаю, у нас экономичная компания. Согласно правилам перевозки – пассажиры кормят экипаж.

Крюка аж в воздух подбросило.

– Да чтобы я!.. Почтенный пир... эмм... торговец чёрным деревом!..

– Кок, – сказал О’Брайен, не поворачивая головы. – Или балласт. Или одно из двух.

И с этими словами рыжий негодяй сладко потянулся и закрыл глаза.

Дни сменялись ночами. Ночи превращались в дни. Далеко внизу, лавируя среди океанских валов, проплывали киты и галеоны. Вокруг шара, стрелами пронзая тучи и истошно вопя, реяли буревестники.

При ближайшем знакомстве капитан О’Брайен оказался не таким уж зловредным, как показалось сначала. Хотя еды в его тщедушное тельце помещалось на удивление много, но всем прочим блюдам предпочитал он ирландское рагу. Сложностью рецепта оно не отличалась, и уже вскоре все мы могли состряпать его из любых подручных ингредиентов. Наевшись же, О’Брайен принимался распевать «Увенчав себя зелёным клевером», а однажды попробовал исполнить для нас традиционный ирландский танец, что едва не привело к воздушной катастрофе, но внесло приятное разнообразие в монотонную скуку путешествия. Ближе всего

капитан сошёлся с Патриком, которому подолгу рассказывал об искусстве воздухоплавания и способах навигации в облачных морях. Мы же с Крюком развлекались чтением рукописей из его сундучка. Благо содержалось в нём превеликое множество книжных новинок. Всякий раз, когда я порывался спросить, зачем ему понадобилось их переписывать и возить с собой, Крюк только шикал и выразительно указывал глазами на О'Брайена, которому, очевидно, тайны этой знать не следовало.

Но вот и настало то незабвенное утро, когда пробудились мы от крика. Кричал Патрик, и кричал он:

– Земля-я-я!..

Земля и вправду расстилалась перед нами как на ладони. Небольшой городок плавился в лучах жаркого солнца. В беспорядке лепившиеся друг к другу грязно-белые дома с черепичными крышами полукругом охватывали тихую голубую лагуну. Впрочем, о голубизне её можно было лишь догадываться, ибо поверхность воды скрывал под собой густой лес корабельных мачт. Высоко над мачтами, на склоне близлежащей горы, темнели камни старинного форта.

– Сан-Януарио, – с благоговением прошептал Крюк. – Великая пиратская бухта.

Мы с Патриком переглянулись. И в глазах его увидел я отблеск того же, что чувствовал сам. Страх. Удивительно дело: теперь, когда мечта моя лежала передо мной во плоти – стоит лишь протянуть руку, – я её больше не видел. Её за-

слоняло искажённое гневом – гневом ли?.. – лицо Дженни. «Питер Фаулз, ты – чёртов идиот!» Я решительно потряхнул головой, отгоняя наваждение.

О’Брайен принял деловой вид и вытащил из кармана зна-
комую бумажку.

– Господа и господа, наше воздушное судно готовится совершить крушение в порту Сан-Януарио. Температура за бортом плюс двадцать пять градусов по Цельсию, местное время – вечная сиеста. Капитан корабля и экипаж прощаются с вами и...

– Что-что готовится совершить?! – в ужасе переспросил я.

– Всё правильно, крушение, – Патрику явно нравилась возможность блеснуть полученными от капитана знаниями. – Они же бюджетная компания. Крушение входит в договор перевозки.

– Так делай что-нибудь, слышишь, ты, проклятый рыжий убийца! – заорал Крюк. – Ты же капитан, ты не можешь погубить собственное судно. Где тут экономия?!

– А я и не собираюсь губить. Судно, во всяком случае... Так, на чём я остановился?.. – О’Брайен сверился с бумажкой. – Ага, вот: экипаж прощается с вами и желает счастливого полёта. Полундра! Сбросить балласт!

Он дёрнул за какой-то рычаг. Дно корзины разверзлось. Несколько долгих мгновений ужаса – и мы барахтались в лагуне неподалёку от берега. Пожитки наши плавали вокруг. Я перевернулся на спину, выпустил изо рта струю воды и гля-

нул вверх. Быстро набирая высоту, шар разворачивался и ложился на обратный курс. Сквозь шум ветра и волн доносились обрывки слов: капитан О’Брайен во всю глотку распевал «Увенчав себя зелёным клевером». Но слушать его мне было недосуг: набрав в лёгкие побольше воздуха, я нырнул и приступил к спасению камнем ушедшего на дно Крюка.

Разложенная на горячем песке одежда быстро высохла. Сундучок Крюка обладал хорошо подогнанной крышкой, потому бумаги в нём пострадать от воды не успели. Зато ужасно пострадал – к счастью, лишь морально – их владелец. Пока мы с Патриком, выбиваясь из сил, буксировали его тушу к берегу, он нам об этом сообщил многократно и всеми возможными способами.

Сражённый пулей усталости, лежал я у самой кромки прибоя и смотрел в высокое небо Сан-Януарио. Как тихо, торжественно и спокойно... Все мгновенья этого недолгого путешествия вспомнились вдруг мне: и доктор Стокеш, и улетающий в небо пятнадцатилетний капитан, и Дженни... Дженни... А почему, собственно, я запрещаю себе о ней думать? Что изменилось? Я хотел стать пиратом, – и вот я без пяти минут настоящий пират. Я хотел вернуться, – и я вернусь, обещаю. И лишь только вернусь, тогда... тогда... Впрочем, об этом размышлять сейчас точно не следовало. Но страх – тот страх, что испытал я на миг там, наверху – исчезал, растворялся, уступая место беспричинному чувству радости

и обновления. Нет, жизнь ещё не кончена в восемнадцать лет!..

Вскочив на ноги, растолкал я задремавшего на солнцепёке Крюка.

– Ну всё, будем считать – высохли. Что теперь?

– Ещё спрашиваешь?.. – он выглядел искренне потрясённым. – Теперь – ром, конечно же!

Словно заправская охотничья ищейка поводя носом из стороны в сторону, Крюк тянул нас сквозь шумную уличную толпу. Кого и чего здесь только не было!.. Разносчики торговали с лотков кортиками, саблями, пистолетами и ручными мортирами. Свирепые и воинственные краснокожие дикари курили трубки мира. Бродячие фокусники глотали огонь, шпаги и другие неудобоваримые предметы. Городские стражники гнались за полуголым мальчишкой, утянувшим с прилавка хлебный каравай. Прносящиеся над головой стаи разноцветных попугаев наперебой требовали пиастров, пиастров, пиастров...

И пираты. Десятки, сотни пиратов всех рас, национальностей, полов и возрастов. Одетые кто в лохмотья, кто в шитые золотом камзолы, вооружённые всеми мыслимыми и немыслимыми орудиями смертоубийства, разгуливали они по улице, сквернословили, хохотали и йохохохали, сверкали железными зубами, стучали деревянными ногами и производили столь устрашающее впечатление, что на их фоне Крюк наш выглядел примерным учеником воскресной школы. Нюх его,

надо сказать, не подвёл. Уже вскоре смотрели мы на вывеску: «Таверна Весёлого Макроджера. Всегда свежий ром и йохо-хо».

Перед входом в таверну стояла запряжённая в телегу кляча с облезлым хвостом. Отличала её весьма распространённая в растительном мире, но редко встречающейся у лошадей ярко-жёлтая масть. Несколько ребятишек лет семи с увлечением хлестали её прутиками по худым бабкам. При каждом ударе лошадь тревожно подёргивала ушами, но стояла смиренно, ко всему безучастная и покорная судьбе.

– Да что ж они делают?.. Живодёры... Бедную лошадку бьют... – с ужасом перешёптывались собравшиеся в круг пираты. Многие не выдерживали, отворачивались, не в силах вынести душераздирающего зрелища, прикрывали лица руками. Из-под мозолистых ладоней выкатывались и стекали по обветренным щекам невольные слёзы.

– У-у-у, окаянные... Губернаторского каземату на них нет! – надрывно подвывала рядом с нами пожилая сторбленая пиратка, волочащая за собой пушку на колёсиках.

– Извините, – спросил я у неё, – а нельзя ли их просто отругать, чтоб так больше не делали?

– И-и-и, родименький, да кабы можно было... Только где ж это видано, – дитяток несмышлёных моральному насилию подвергать... Не говоря уж о физическом. Ох, горюшко-то какое!

– Ага. Кажется, понимаю. Гармония мира не стоит сле-

зинки ребёнка...

– Ты что несёшь-та, родименький? Али с ума съехал?.. Какая ещё тебе фисгармония?.. То ж пиратские дитятки. Забудишь такого – забудишь и папашу. А уж пули в брюхо ребячья слезинка и впрямь не стоит.

Сквозь толпу протиснулся высокий статный пират. Завитые белокурые локоны его ниспадали на плечи, над губой топорщились щёгольские усики профессионального книжного злодея.

– Похититель Детей... Похититель Детей... – зашептались вокруг.

– Тук. Тук. Тук, – сказал он, скалой нависая над хулиганам. – Думаете, это пруттик стучит по лошадке? Не-а. Он стучит в моё сердце. И если вы доведёте меня до инфаркта, то, клянусь своим добрым именем, я найду вашу школу, приду в ваш класс и обращу его в пепел... Урок выучен или нужно повторить?

Ребятишки медленно, словно в гипнотическом трансе закивали, попятились, а затем, отойдя на безопасное расстояние, с визгом бросились врассыпную. Похититель Детей мимоходом потрепал лошадь по шее и скрылся в таверне. Зеваки начали расходиться.

– Оно и верно, потехе время, а рому час! – наставительно сказал Крюк, подталкивая нас ко входу в заведение.

Внутри таверны густые клубы табачного дыма смешивались с дымом пороховым. Десятки лужёных глоток вопили

песни и проклятия. Через равные промежутки времени десятки кружек разом поднимались, вплёскивали в глотки новую порцию рома и с грохотом опускались на столы.

Не без труда отыскивали мы свободное местечко. Хотя, чего уж греха таить, я бы предпочёл, чтобы места нам тут не нашлось. Патрик, надо полагать, мою точку зрения разделял.

– Но потом, когда здесь закончим, – спросил он, – мы же пойдём на корабль?

– Да-да, – поддержал я, – мне тоже не терпится на него посмотреть.

– Корабль?.. Это какой ещё, забодай его медуза, корабль? – в глазах Крюка читалось абсолютное непонимание. – Вот уж послал морской дьявол абордажную команду умалишённых... Вам что, растреклятого воздушного шара мало было? Я что ж, по-вашему, похож на человека, готового хоть одну ногу поставить на палубу этих адских штукоев, которые то и дело норовят потонуть?..

Монолог его прервал ещё не старый, но уже отягощённый годами пират. Впрочем, невольное почтение к себе внушали не столько его седины, сколько жилистая фигура, бесчисленные шрамы на всех видимых частях тела и неукротимо-сви-репый огонёк в глазу. Глаз второй скрывала под собой чёрная повязка.

– Добро пожаловать в таверну Весёлого Роджера Макроджера. Это, значит, я и буду. Сегодня у нас в меню кокосовый ром, ванильный ром и шоколадный ром. Рекомендую

начать с...

– Ну наконец-то! – в свою очередь прервал его Крюк. – Давай, тащи всё сразу, там разберёмся.

Он нетерпеливо взмахнул рукой. Зацепил крюком сундучок. Тот опрокинулся со стола, замок его щёлкнул, крышка распахнулась, бумаги веером разлетелись по полу. Сидевший неподалёку Похититель Детей лениво потянулся, наколот один из листов на кончик ножа, брезгливо осмотрел... Живейший интерес вспыхнул вдруг на его лице. Словно кобра, метнулся он к остальным бумагам, жадно забегал глазами по строчкам.

Крюк меж тем вёл себя странно. Он заёрзал, весь покрылся испариной и начал потихоньку сползать под стол. В тот момент, когда наклонился ч посмотреть, что он там делает, бахнул выстрел.

– Джентльмены удачи, прошу минуту внимания! – Похититель Детей стоял во весь рост с дымящимся пистолетом в поднятой руке. – Мне нет нужды представляться, но я всё же представляюсь, поскольку безвестность – это самое страшное, что может случиться с людьми нашей профессии. Итак, внимайте и содрогайтесь! Я – Джон Роллинз, великий пират и автор бестселлера «Генри Морган и кубок рома». Если вы вдруг ещё не успели с ним ознакомиться, настоятельно рекомендую к прочтению. Но чуть погодя. А сейчас же... Сейчас, здесь, перед вами, джентльмены... Перед морским дьяволом и людьми заявляю: этот человек... да-да, вон тот, что

прячется под столом... Этот человек – мошенник и вор!

– Ну-ну, Джон, будет тебе, не горячись, – Макроджер успокаивающе похлопал его по плечу. – Давай-ка спокойно разберёмся и всё выясним... Эй ты, под столом, ты кто такой будешь?

Лязгая зубами, Крюк промычал что-то неразборчивое. Я счёл благоразумным взять на себя роль переводчика.

– Он говорит, его зовут Хуан Проворный Крюк де Ла-Плата... Ещё говорит, очень приятно с вами познакомиться, джентльмены, – добавил я на всякий случай уже от себя.

Макроджер пожал плечами.

– Проворный Крюк?.. Никогда не слышал... Ну, Джон, и чем же он тебя так обидел?

Не отрывая от Крюка исполненного ненависти взгляда, Роллинз молча протянул одноглазому пирату стопку бумажных листов. Макроджер погрузился в чтение. С каждой новой строчкой ноздри его раздувались всё сильнее, огонёк в глазу разгорался всё ярче. Наконец он заговорил:

– Мне тоже нет нужды представляться, джентльмены. Большинство из вас видало меня в деле, многие ходили на «Макфьюри» под моей командой... Без малого треть века скитался я по волнам, честно грабил, честно воровал, честно пускал на дно корабли. И вот на старости лет осел в этой бухте, открыл таверну и написал мемуар о своих приключениях. «Кодекс Монте-Винчи», вы все его читали. И все вы знаете, что капитан Макроджер слов на ветер бросать не привык...

Здесь, перед вами, джентльмены. Перед морским дьяволом и людьми! – голос его поднялся, набрал силу. – Я обвиняю мерзавца, именующего себя Проворным Крюком, в ужаснейшем из преступлений. Я обвиняю его в пиратстве!

Он умолк. Слышно было, как бьётся в оконное стекло муха. Затем тишина взорвалась дружным лязгом извлекаемых из ножен сабель. Лица перекосило гневом, зубы оскалились. Крюк под столом не подавал признаков жизни. Патрик, кажется, вознамерился заплакать.

– Стойте-стойте, подождите!.. – вскричал я. – Я тут человек новый и чего-то могу не понимать. Заранее прошу за это прощения. Собственно, я уж совершенно ничего не понимаю... Во имя всего святого, джентльмены, объясните... Разве же вы все не пираты?

Макроджер с нежностью огладил пальцем зазубренное лезвие сабли.

– О да, парень... Мы пираты. Ты даже не представляешь, насколько мы пираты. Самые кровожадные пираты, что только водятся в морях и океанах.

– Наибеспощаднейшие, – кивнул Роллинз, засыпая в пистолет едва ли не целый фунт пороху.

– Ага. Это выяснили. А вот он, – я указал под стол, – по-вашему, кто?

– Парень, ты ослеп или издеваешься?.. Конечно же, он пират!.. Отвратительный, мерзкий пират. Тьфу на него!

– Нет, я не ослеп, но, по-видимому, схожу с ума... Если вы

пираты, и он пират... То почему же пираты обвиняют пирата в пиратстве? Разве же пират пирату не... гм... пират?

Пираты растерянно переглядывались. Роллинз вдруг хлопнул себя по ляжкам и захохотал.

– Кажется, я догадался... – сказал он, отфыркиваясь и утирая слёзы. – Поправь меня, если ошибаюсь: ты приехал в Сан-Януарио в надежде стать пиратом – а иначе зачем бы ты сюда вообще приехал?.. – не сочтя нужным хотя бы полистать наиважнейшую в жизни каждого пирата книгу?

– «Остров сокровищ»? – предположил я наугад.

От нового – на этот раз всеобщего – взрыва хохота содрогнулись стены. Веселье было столь бурным и продолжительным, что Макроджеру пришлось долго колотить эфесом сабли по столу.

– К порядку!.. К порядку!.. Тишина в зале таверны!.. Так-то лучше... Ну-ка, джентльмены, сообщим нашим гостям название книги, которое всякий уважающий себя пират помнит твёрже, чем собственное имя.

Он по-дирежёрски взмахнул руками. Десятки лужёных глоток рявкнули слаженным хором:

– Пиратско-процессуальный!.. Кодекс!.. Сан!.. Януарио!

– Ну... Я юридическую литературу и правда как-то не очень... – пришлось сознаться мне.

– Во-о-от!.. – Макроджер назидательно воздел палец. – А если б удосужился почитать, то знал бы, чем благородный морской пират отличается от нечестивого пирата интеллек-

туального, и глупых вопросов не задавал. И чтобы не быть голословным, я прямо сейчас явлю пример истинного пиратского благородства. Верю, что в неправильные пираты вы подались лишь по глупости, и потому готов счесть это тем редчайшим случаем, когда незнание закона освобождает от ответственности. Так что берите-ка ноги в руки и – брысь отсюда, покуда я не передумал. А с этим вашим – как бишь его?.. – Вороватым Крюком у нас долгий разговор намечается.

– Вот-вот. Сейчас ему расхочется наши авторские права нарушать...

Роллинз взял пистолет на изготовку и направился к столу.

Патрик суетливо вскочил на ноги, метнул по сторонам затравленный взгляд. Сделал пару неуверенных шагов... И встал на пути Роллинза, которому, даже подпрыгнув, не дотянулся бы и до подбородка.

– Моё имя – Патрик Чёр... гм... Невидимая Борода. Извините... И я пират!.. Можете толковать это слово, как хотите, но я пришёл сюда со своей командой. Единственной командой, что знаю в жизни. И клянусь перед морским дьяволом и кем там ещё полагается: с ней же отсюда и уйду.

Расправив плечи, он заслонил собою Крюка.

«Питер, ты идиот, Питер, ты идиот...» – стучало в висках. Я поднялся. Встал рядом с Патриком.

– Я Питер Фаулз. Я пират. Я остаюсь.

– Похвально, – сказал Макроджер. – Но глупо. Очень глупо.

по.

– Убивать будете? – с деланным безразличием спросил я.

– Э, нет, парень, и не мечтай. Столь кровожадным пиратам, как мы, это даже как-то не к лицу. Судьба ваша будет тысячекратно ужаснее. Расскажи им, Джон.

– Ай-ай, капитан, сэр!.. Итак, несчастные, внемлите нашему хитрому пиратскому плану: мы предадим вас губернаторским стражникам. Швырнём в пучину судебной системы. Заставим прогуляться по шаткой доске правосудия. Бросим на растерзание стаям голодных адвокатов. Уж это вас правовой грамоте обучит, узнаете, почём фунт юридических заколючек!

Роллинз зловеще топорщил усы, стол сотрясался от рыданий Крюка, а от дверей уже доносилось:

– Кто тут вызывал стражу, граждане пираты?..

Несколько десятков ярдов толстого корабельного каната соединяли нас столь тесными узами, что каждый неверный шаг грозил увлечь всю процессию наземь. Стражники, точно буксиры кружившие со всех сторон, тычками ружейных прикладов задавали нам курс на губернаторскую резиденцию. С трудом изворачивая шею, я попытался бросить как можно более уничижительный взгляд на Крюка.

– Какого дьявола ты мне столько времени вешал лапшу на уши, вместо того, чтобы сразу сказать, что ты никакой не пират, а пират?

– Ты, якорем тебя придави, умом тронулся? – сейчас, когда пиратов вокруг больше не было, дар членораздельной речи к нему возвратился. – Помнишь хоть, где я тебя отыскал?.. В чёртовой библиотеке!.. И уйму часов кряду сидел перед твоим тупым носом, занимаясь нелегальным копированием. Только полный идиот не сумел бы сообразить, кто я такой!.. Мало того, ведь прямо тебя спрашивал: догадался, мол, чем занимаюсь? А ты что ответил, а?.. Нет, ну как?!.. Вот как, объясни ты, глядя на меня, можно было даже предположить, что я, почтенный пират, способен махать саблей и прыгать по волнам, словно умалишённый дельфин?

Перед мысленным моим взором вновь промелькнул образ Дженни. На сей раз образ молчал и лишь выразительно разводил руками.

– Гм... Ладно, допустим... Но если ты так уж не любишь сабли и волны, в Сан-Януарио-то тебя что понесло? Здесь же кроме этого ничего и нету.

– Вот именно!.. Откуда ж я знал?.. Думал, они тут все неграмотные поголовно. Думал, тут спокойная бухта вдали от правообладателей... Всеобщая тяга к сочинительству – вот истинная чума нашего времени. И пишут, и пишут...

Задрав лицо вверх, он с досадой прокричал куда-то в пространство:

– Графоманы чёртовы!..

И тут же скривился от боли, поскольку один из стражников пнул его в бок и сказал:

– Просили передать, чтоб тут кое-кто не забывался, вёл себя прилично и разных там слов не употреблял. А то, просили передать, хуже будет.

– А кто именно просил? – заинтересовался молчавший до сего момента Патрик.

– Не твоего ума дело. Кто надо, тот и просил! – отрезал стражник и почему-то украдкой глянул вверх из-под козырька шлема.

Глава четвёртая. Как вести переговоры и совершать преступления

– Тридцать восемь кораблей!.. Столько они потопили в наших водах. И это лишь за прошлую неделю. Пять миллионов триста сорок две тысячи четыреста тридцать семь золотых пиастров изъяли из сферы реальной экономики и закопали где ни попадя. Крестьяне поля возделывать не могут, все плуги о сундуки переломали... Двух наследниц знатных родов похитили ради выкупа. Обе уже командуют собственными пиратскими кораблями и под угрозой истерики наотрез отказываются возвращаться домой... Восемьдесят семь процентов населения работает пиратами... Восемьдесят семь!.. И вы сейчас всерьёз хотите разбирать дело о нарушении авторских прав?.. При всём уважении, господин губернатор, как ваш друг и секретарь, заявляю решительный протест. В тот момент, когда Сан-Януарио семимильными шагами приближается к неотвратимой экономической и социальной катастрофе, о пустяках думать не время!

За стёклами пенсне сухопарого человека в мышинового цвета сюртучке полыхала едва сдерживаемой ярость. Губернатор Клеменс вздохнул, вытащил изо рта трубочный мунд-

штук, пустил клуб дыма в белые, свисающие на подбородок усы.

– Да будет вам, мистер Тич, не драматизируйте. Сан-Януарио уже лет, почитай, двести неотвратимо к катастрофе приближается. Это уже можно нашей доброй национальной традицией считать. Ну, подумаешь, потопили кого-то... И что с того?.. Сегодня их потопили, завтра они потопят... И потом, вот вы говорите: восемьдесят семь процентов населения – пираты. А я говорю: пираты – это восемьдесят семь процентов избирателей. От волеизъявления которых, смею напомнить, зависит наше с вами политическое будущее. И они, наши избиратели, проблему нарушения авторских прав считают животрепещущей и первоочередной.

Мистер Тич нервно потёр щеку.

– Очень хорошо. Как вам будет угодно. Тогда давайте обвиняемых, не теряя более времени, повесим и перейдём уже наконец к вопросам развития животноводства в первом квартале следующего отчётного года.

Крюк сдавленно пискнул, закатил глаза и упал в обморок. Точнее, повис между мной и Патриком на соединяющем нас канате. Я изо всех сил наступил ему на ногу, возрождая к жизни.

Губернатор покосился на нас с сомнением. Поскрёб всклокоченную шевелюру.

– Мне порой кажется, мистер Тич, ваша б воля – вы и меня повесили. А это больно и негуманно. Да и просто скуч-

но, чёрт побери!.. Мы лучше вот что сделаем: будем вести следственные действия. На время же их проведения считаю необходимым заточить подозреваемых в самый глубокий каземат.

– Прошу извинить за резкость, господин губернатор, но это просто глупо, – сказал мистер Тич. – Вы не хуже меня знаете, что следствие у нас имеет тенденцию затягиваться на годы.

– Всё равно, глупо или не глупо, а так полагается – самый правильный способ. Пусть долгий. Но весёлый.

– Извините, – вмешался я, – а долго, это примерно сколько?

Губернатор мечтательно поднял глаза к потолку.

– Ну... Если правильно помню, рекорд принадлежит делу пиратов Кровавого Эмира и Бешеного Ишака... Тридцать семь лет первосортных следственных действий!.. Да, славные были времена...

– А потом? Потом что?.. Чем следствие закончилось?

– Да ничем, как и всегда, – мистер Тич даже не пытался скрывать, как раздражает его необходимость вести этот разговор. – Так в каземате оба от старости и умерли. Бюджет только на них извели... Я решительно отказываюсь понимать, по какой причине – с учётом того, что предварительное следствие в Сан-Януарио всегда пожизненное – нельзя вешать сразу, сэкономив кучу денег?

Губернатор воззрился на него с изумлением.

– Как это почему? А удовольствие?.. За удовольствия надо платить, дорогой Тич!

Вся недолгая жизнь промелькнула в тот миг у меня перед глазами. Навек прощайте любезные мои родители, прощай Дженни, прощай далёкий маленький городок, прощай уютная библиотека, прощайте книги... Книги, повествующие о разумном, добром и вечном. Врачующие душу, смягчающие сердце, наставляющие на истинный путь... И дарующие надежду на спасение.

Что было сил, насколько позволял опутывающий нас канат, рванулся я вперёд.

– Послушайте, губернатор, я знаю, как решить проблему с пиратством в Сан-Януарио!

– В Сан-Януарио нет проблемы с пиратством, – сказал губернатор без интереса.

Мистер Тич угрюмо кивнул.

– Угу... Это единственное, с чем в Сан-Януарио нет ни малейшей проблемы.

– Да, я уже заметил... Но, видите ли, беда в том, пиратство традиционно имеет в общественном сознании дурную репутацию. Пираты, дескать, лишь тем и занимаются, что кого-то грабят и убивают. Требуется изменить парадигму. Наглядно продемонстрировать, что пиратами становятся не из корыстных побуждений, а по велению сердца, жаждущего морской романтики, новых впечатлений, интересных встреч и неожиданных открытий. Что пиратство – это уважаемая про-

фессия для тех, кто практикует её на постоянной основе, и лучший способ активного отдыха для всех остальных.

– Вот именно. Профессия, – сказал мистер Тич. – Если пираты не будут грабить, на что, по-твоему, они будут жить?

Признаться, вопрос этот поставил меня в тупик. Экономические модели никогда не были сильной моей стороной. К счастью, на выручку пришёл Патрик.

– Извините, но как человек, значительную часть карьеры посвятивший ресторанно-гостиничной отрасли, – сказал он, – я бы рекомендовал развивать туристический сектор городского хозяйства.

– Да, точно! – поддержал я. – Природно-климатические условия здесь идеальные, привлекательная тематическая составляющая имеется. От туристов отбоя не будет. Абордажные круизы, набеги выходного дня, летние кладоискательские лагеря... Остаётся лишь создать инфраструктуру и научить пиратов пиратствовать надлежащим образом. Развяжите нас, дайте корабль, и мы всем покажем, как это следует делать.

– Не-не-не!.. – сказал Крюк. – Я на такое не подписывался. Предупреждаю – у меня морская болез... Ай!.. Да прекрати ты мне по ногам топтаться!

– Очень хорошо. Шедеврально просто, – сказал мистер Тич. – Значит, чтобы избавиться от пиратов, мы должны собственными руками выпустить в море новых пиратов, так?

– Мда... Я пока тоже как-то смысла не улавливаю, – ска-

зал губернатор. – Не говоря уж о том, зачем мне вообще от пиратов избавляться?.. В конце концов, это они избрали меня губернатором.

– Вот именно!.. Но плох тот губернатор, что не мечтает стать генерал-губернатором, – импровизация давалась мне не очень легко, но мысль о том, что от успеха её зависят наши жизни, добавляла красноречия. – Никто от пиратов избавляться не собирается. Наоборот!.. Доводилось ли вам читать о современных педагогических теориях?.. О необходимости положительного образца в процессе воспитания?.. У ваших пиратов просто нет правильной ролевой модели. Мы ею готовы стать. Мы не будем топить корабли, не будем никого грабить и похищать ради выкупа. Будем заниматься исключительно общественно полезным спортивным пиратством. Под влиянием нашего примера, остальные пираты сразу же перевоспитаются и духовно преобразятся. Через годик-другой вы их не узнаете. В Сан-Януарио расцветут науки и искусства, а благодарные потомки воздвигнут просвещённому и дальновидному губер... – генерал-губернатору! – памятник. Возможно, даже прижизненный. В любом случае вы ничем не рискуете. Всегда успеете вернуться к первоначальному плану и посадить нас в каземат.

Мистер Тич глухо застонал, схватился за лоб и отвернулся. Губернатор же в раздумьях крутил пальцами.

– Хм... В принципе, оно бы, конечно, и заманчиво... Только вот не получится ничего. Как только ты выйдешь в

море, добрые граждане Сан-Януарио по всегдашнему своему обыкновению тебя сразу же похитят, ограбят и пустят на дно. И кого я тогда, спрашивается, в каземат сажать буду?

Судорожно пытался я вспомнить, что по этому поводу писали авторы педагогических трудов и поэм. Увы, в голову лезли исключительно сцены из бульварных романов, в которых к ногам угодившего в безвыходную ситуацию героя буквально из ниоткуда сваливается...

Двустворчатая дверь в губернаторский кабинет распахнулась, едва не зашибив насмерть застывших подле неё в карауле стражников. На пороге стоял элегантный как рояль господин в твидовом пиджаке и мягкой фетровой шляпе. Шёлковый платок с тщательно продуманной стильной небрежностью охватывал его шею. Единственной деталью, что слегка портила безупречный облик, были налипшие на брюки зелёные листья. Складывалось впечатление, что на пути сюда ему пришлось долго пробираться сквозь кусты.

– Бу!.. – сказал новоприбывший, делая страшное лицо. – Никто не ожидает призрака постмодернизма!

– Я ждал, – кисло сказал мистер Тич.

– Я, по правде говоря, тоже, – сказал губернатор. – Ты ж всегда так появляешься.

Он вдруг принял серьёзный вид, надулся, откашлялся и закричал деланным басом:

– Па-а-апрашу не препятствовать естественному ходу развития сюжета и очистить казённое помещение!

– Плохой, грубый персонаж, – сказал призрак и погрозил ему пальцем. – Фу таким быть.

– Я не персонаж, я губернатор, – обиженно сказал губернатор. – Сам ты персонаж.

– Не буду спорить, – легко согласился призрак.

Он сделал круг по кабинету, заложив руки за спину и с интересом нас разглядывая.

– Итак, правильно ли я понимаю сюжет? Эти молодые персонажи намереваются предпринять самостоятельную пиратскую одиссею...

– Исключительно со спортивными целями, – уточнил я. – Мы хорошие, положительные пираты.

– Ага... Спортивное пиратство, значит... Что ж, звучит глуповато, но как-то ведь надо оправдать название... Губернатор же со своей стороны выражает опасения, что в силу недостатка опыта вы подвергнетесь непредвиденному утоплению, удушению, убиению, проткновению саблями, кинжалами или кортиками, простреливанию пулями, картечью или ядрами, покусанию акулами, кашалотами или людоедами, а равно и прочим воздействиям, способным причинить организациям вред, несовместимый с жизнью и возможностью посадить вас в каземат. Не так ли?

Крюк вновь грохнулся в обморок. На сей раз мы с Патриком его не удержали и повалились сверху.

– Да развяжите уже их, чего теперь-то, когда этот заявился... Ясно, к чему дело идёт, – сказал губернатор.

Стражники бросились нас поднимать и распутывать.

– Я вот только одного понять не могу: откуда ты всегда обо всём знаешь?

– Для нас, призраков, нет тайн в подлунном мире!.. – призрак многозначительно помолчал. – Я под окном подслушивал. Кстати, там теперь придётся кусты пересадить... Так, на чём мы остановились?.. Ах да... В общем, сюжет мне пока нравится, персонажи тоже вроде симпатичные. Высказываюсь за них. Дайте им корабль, а я берусь не допустить летального исхода. По возможности, конечно.

– Мне вот эта последняя оговорка не нравится, – сказал мистер Тич. – Прошу уточнить. И всё остальное мне тоже не нравится. Не усматриваю экономической целесообразности. Какую выгоду могут извлечь из этого губернатор и народ Сан-Януарио?

– Ну, есть силы, над которыми я не властен... – призрак неопределённо ткнул пальцем куда-то в потолок. – Но если до каземата они не доживут, так оно и к лучшему. Ты ж всё равно их повесить хотел.

Крюк вновь закатил глаза и издал нечленораздельный звук. Я выдал ему превентивную антиобморочную пощёчину.

– Что же до выгоды, – продолжал призрак, – то она вполне очевидна. Я не буду приходить к губернатору по ночам, завывать дурным голосом и брэнчать цепями. Ну, как в прошлый раз... Помнишь, Клеменс?

Губернатор фыркнул и поёжился.

– Ну что, решили? – призрак обвёл нас взглядом. – Вопросы, предложения?

– У меня вопрос, – сказал я. – Вы уж простите, но призраков не бывает. Даже в пиратских романах. В нормальных пиратских романах, хочу сказать.

– Разумеется!.. Только вот пробовал ли ты когда-нибудь объяснить толпе по самые брови налитых ромом пиратов, что являешься воплощением драматургического приёма, к которому древнегреческий, либо неопытный, либо просто ленивый автор прибегает в случае, когда затрудняется отыскать менее искусственный и натянутый способ разрешения конфликта и потому вводит в сцену внешний, ранее не задействованный в сюжете неожиданный фактор?.. Поверь, ничего путного из этого не выходит. Уж проще побереечь нервы и именовать себя призраком. Да и посolidнее как-то.

– Хорошо, а призраком-то почему?.. Вы не выглядите... гм... мёртвым.

– Глупостей не говори. Толпа маститых литературоведов, что меня в гроб укладывала, не могла ошибиться. Ещё вопросы?

– А как именно вы работаете?.. Извините... Ну, как это на практике выглядит? – спросил Патрик.

– Очень просто. Являюсь по вызову и молча всех спасаю. Или не молча... Или не спасаю... Так, персонажи, кто из вас будет капитаном?

Я посмотрел на Крюка. Тот фыркнул и отвернулся. Посмотрел на Патрика. Тот одобритительно закивал. Я поднял руку.

Призрак снял шляпу. Вытащил из неё большого разноцветного попугая. Усадил мне на плечо.

– Айпоп для связи. Мои координаты в него уже занесены. Так, попугай?

– Ай-ай, сэ-р-р! – сказал попугай.

...Мы вышли из ворот губернаторской резиденции. Вдали, у подножия холма, за цветущими бананово-лимонными плантациями, расстилалось море. Свежий бриз ерошил волосы. Попугай на моём плече недовольно крутил клювом и норовил укусить за ухо. Крюк ворчал под нос что-то неразборчивое и опасно косился на попугая. По лицу Патрика, отлично видимая под невидимой бородой, блуждала счастливая улыбка. Закрыв глаза, с наслаждением вдохнул я полной грудью опьяняющий воздух свободы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.